Олеся Руданская

Полукровка для альфы

Ты писал «люблю» другой

Олеся Руданская

Полукровка для альфы. Ты писал «люблю» другой

«Автор»
2026

Руданская О.

Полукровка для альфы. Ты писал «люблю» другой / О. Руданская — «Автор», 2026

«Я люблю тебя», — написал альфа моей госпоже.А я плакала над письмом. Потому что мужчину, который его отправил, любила я.Я — Лина Весс, полукровка и переписчица богатой наследницы. Семь месяцев я отвечала ее жениху, Дариану Варду. Сначала записывала чужие мысли, а потом стала писать о себе: о потере матери, об одиночестве, о мечте иметь дом, где меня ждут.Моя хозяйка читала письма и ставила подпись. А Дариан влюблялся в женщину, которой никогда не встречал.Теперь он приехал за невестой. Запомнил даже мои любимые кислые яблоки. Привез их через полстраны — и подарил другой.Она готовится к свадьбе. Я собираю вещи, чтобы навсегда исчезнуть из его жизни.Но что будет, когда альфа узнает, кто писал самые дорогие его сердцу слова?Я боялась, что он никогда меня не полюбит. Теперь боюсь, что узнает правду — и возненавидит.

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое имя 5
Глава 2. То, что он запомнил 28
Глава 3. Я больше не буду писать 56
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Олеся Руданская
Полукровка для альфы.
Ты писал «люблю» другой

Глава 1. Чужое имя

Селеста выбрала для встречи с женихом голубое платье.

Я посоветовала темно-зеленое.

Мы могли спорить о цвете сколько угодно. Дариан Вард приезжал к ней, а знал меня.

— Голубое делает меня моложе, — сказала Селеста, поворачиваясь перед зеркалом. — Или нет?

— Вы и без того выглядите молодо, госпожа.

— Лина, я плачу тебе не за любезности.

Я подняла глаза от раскрытой шкатулки с украшениями.

— Тогда зеленое. В нем вы выглядите увереннее.

Селеста остановилась, посмотрела на свое отражение и недовольно поджала губы.

— Ты всегда выбираешь то, что нравится тебе.

Это было неправдой. Почти два года я выбирала то, что нравилось ей: цвет чернил для приглашений, подарки родственникам, слова для благодарственных писем. Последние семь месяцев я даже отвечала за нее мужчине, за которого она собиралась выйти замуж.

Но платье действительно нравилось мне.

— Могу принести бордовое, — предложила я.

— Нет. Оставим голубое.

Она вернулась к туалетному столику, и горничная принялась закреплять жемчужную заколку в ее светлых волосах.

Я закрыла шкатулку.

— Господин Вард прибудет к четырем. Управляющий сообщил, что для него приготовили восточные комнаты. Его сопровождающих разместят во флигеле.

— Хорошо.

— На завтра назначена прогулка по городу. После обеда отец желает обсудить перевозку зерна через северный перевал.

— Я помню, Лина.

— И еще...

— Что?

Я замолчала.

У Селесты были серо-голубые глаза, правильные черты лица и прекрасная кожа. Она могла позволить себе любое платье из этой комнаты, и ни одно не выглядело бы на ней плохо.

Мне вдруг захотелось спросить, понимает ли она, как сильно ее ждет человек, который сегодня переступит порог дома.

Но это было не мое дело.

— Ничего, госпожа. Я проверю комнаты.

Селеста поймала мой взгляд в зеркале.

— Ты сегодня сама не своя.

— Плохо спала.

— Из-за подготовки?

Я опустила голову.

— Да.

Она поверила.

За последние месяцы Селеста привыкла верить мне во всем, что касалось ее жениха. Я знала, когда он обычно ложился спать, какую пищу не любил, сколько лет прослужил его управляющий. Знала, что у него на правой ладони остался шрам после обрушения моста, а младшая сестра каждую весну пыталась заставить его посадить цветы у главного входа.

Знала, как звали его любимого старого пса.

И знала, что сорок пять дней назад он похоронил мать.

Селеста знала все это тоже.

Она читала каждое письмо, ставила свою подпись и запечатывала конверт фамильной печатью.

Только читала она их совсем иначе.

Для нее это были страницы, которые следовало изучить перед встречей. Для меня они давно превратились в разговор, продолжавшийся даже тогда, когда бумага лежала в ящике стола, а чернила успевали высохнуть.

Я могла вспомнить целые абзацы.

Особенно один.

«Я люблю тебя. Не знаю, как это принято писать, и не хочу просить о таком же ответе. Просто теперь это правда».

Когда я впервые прочитала эти слова, мне пришлось сесть.

Не потому, что я никогда прежде не слышала признаний.

Мне двадцать шесть лет. Я успела побывать влюбленной, целовалась, однажды даже думала, что выйду замуж за помощника аптекаря. Потом выяснилось, что он уже обещал жениться на дочери своего хозяина. Мы расстались без трагедии. Мне было обидно, а через несколько месяцев я перестала о нем вспоминать.

Но после письма Дариана я долго сидела на полу своей комнаты и не могла заставить себя встать.

Он написал эти слова женщине, которая никогда не отвечала ему сама.

А я, написавшая все то, за что он меня полюбил, не имела права даже поблагодарить.

В дверях появилась горничная.

— Госпожа, привезли цветы из оранжереи.

Селеста оживилась.

— Пусть поставят в гостиной. Только не возле окна, там слишком жарко. Лина, проследи.

Я присела, подняла с ковра упавшую жемчужину и положила ее на столик.

— Хорошо.

В коридоре пахло свежим воском. Дом готовился к приезду жениха так, словно ожидал королевскую особу. Лестничные перила натирали уже второй день, серебро на обеденном столе блестело, а кухарка с утра ругалась на поставщика сливок.

Я спустилась в гостиную и попросила переставить цветы подальше от окна.

Один из лакеев, высокий парень по имени Томас, с которым мы иногда ужинали на кухне, спросил:

— Это правда, что северный альфа ростом с дверной проем?

— Если так, ему придется пригнуться.

Томас засмеялся.

— Говорят, он однажды голыми руками удержал повозку, пока из-под нее вытаскивали ребенка.

— Повозку удерживали трое, — машинально поправила я. — Он только первый успел подхватить оглоблю.

— Откуда знаешь?

Я посмотрела на него.

— Читала.

— Ну конечно. Ты же у нас все читаешь.

Он поднял тяжелую вазу и понес ее к стене.

Я осталась возле окна.

Дариан рассказывал о той повозке в седьмом письме. Не хвастался. Написал, что после случившегося долго не мог нормально разжать правую ладонь и боялся, что больше не сможет держать меч. Меня поразило не само происшествие, а его признание: когда мальчика вынесли целым, он отвернулся, потому что у него тряслись руки.

Я тогда ответила, что храбрость, вероятно, и состоит в том, чтобы сделать необходимое, даже если страшно.

Селеста прочитала ответ, заметила два повторяющихся слова и попросила их заменить.

Я заменила.

Дариан написал, что ему стало легче.

Никому из них не было известно, сколько раз я возвращалась мыслями к тому вечеру, представляя незнакомого мужчину, сидящего на краю кровати с больной рукой.

Я отошла от окна.

До его приезда оставалось меньше четырех часов.

Нужно было проверить гостевые комнаты, подготовить документы для господина Дорна и закончить ведомость расходов. Обычные дела, за которые мне платили хорошее жалованье.

Я получила эту работу, когда почти отчаялась найти приличное место.

После смерти матери на мне остались долги за ее лечение и маленький дом, содержать который я не могла. Отец умер еще в мои подростковые годы. Он был оборотнем, мать — человеком, и я родилась полукровкой.

Полного обращения у меня никогда не было. Я немного лучше обычных людей слышала и чувствовала запахи, но этим мои особенности почти исчерпывались.

Некоторые наниматели считали, что девушка с волчьей кровью принесет в дом неприятности. Другие полагали, что я должна соглашаться на меньшую плату, раз мне и так трудно найти место.

Селеста оказалась одной из немногих, кто спросил о моих навыках раньше, чем о происхождении.

Я показала ей образцы почерка, переписанные договоры и рекомендательное письмо Руты Мей, у которой училась переплетному делу.

Селеста просмотрела работы и наняла меня.

За это я была ей благодарна.

Наверное, именно поэтому так долго не замечала, что благодарность постепенно превратилась в оправдание всего, что я делала.

В папке на письменном столе в моей комнате лежал чистый лист.

Еще неделю назад я собиралась написать прошение об увольнении. Потом решила дождаться приезда жениха и передать дела.

Так было разумнее.

Так будет разумнее и завтра, убеждала я себя.

Только с каждым днем уходить становилось труднее.

Я села, вынула лист из папки и написала:

«Госпоже Селесте Дорн».

Перо замерло.

Что я могла объяснить?

Что влюбилась в ее жениха по переписке?

Что каждое утро ждала почтовую карету и узнавала его конверты раньше, чем видела печать?

Что начала ненавидеть собственное имя за то, что никогда не имела права поставить его под самым важным письмом?

Я медленно выдохнула и отложила перо.

Прошение подождет до вечера.

Сейчас я еще могла выполнять свою работу.

К трем часам дом был готов. За следующий час я дважды сверилась с часами.

В половине пятого у ворот раздался стук колес.

Я стояла у стола в кабинете, когда внизу поднялась суета. Лакеи распахнули двери. Кто-то выбежал навстречу прибывшим. С улицы донеслось несколько незнакомых мужских голосов.

Мне следовало остаться наверху.

Я знала это совершенно точно.

Но вместо того, чтобы вернуться к счетам, подошла к окну.

Во двор въехали две повозки. Из первой вышел мужчина в темном дорожном плаще.

Он был высоким, широким в плечах. На вид старше своих тридцати пяти лет не казался, но двигался с той уверенной неторопливостью, которую я прежде замечала у людей, привыкших отвечать за других.

Черные волосы растрепались после дороги. Он снял правую перчатку, чтобы пожать руку господину Дорну, и я вспомнила шрам на его ладони.

В письмах он упоминал его всего дважды.

Почему-то именно эта тонкая светлая полоса заставила меня понять, что перед домом стоит настоящий Дариан Вард.

Не придуманный мною собеседник, не почерк на плотной бумаге.

Живой человек.

Он улыбнулся господину Дорну, повернул голову к входу и что-то сказал сопровождающему.

У меня пересохло во рту.

Я отступила от окна.

Через несколько минут Селеста позвала меня.

— Лина! Где список подарков для гостей?

— На вашем столе, госпожа.

— Нет, я взяла его с собой.

Я вышла в коридор.

Селеста стояла у лестницы, поправляя рукав голубого платья. На ее лице появилось редкое для нее выражение растерянности.

— Я не помню, что он говорил о подарках своей сестре.

— Она любит книги о путешествиях и хорошо разбирается в породах лошадей.

— Да, конечно. А мать?

Я посмотрела на нее.

Она поняла свою ошибку мгновенно.

— Прости, Лина. Я совсем не то хотела сказать.

— Ничего.

Селеста провела ладонью по шее.

— Я нервничаю.

Это признание меня удивило.

— Вы ведь не обязаны ему понравиться с первой минуты.

Она посмотрела на меня так, словно я сказала нечто странное.

— Мы собираемся пожениться.

— Я знаю.

— Тогда желательно понравиться.

Мне захотелось улыбнуться, но не получилось.

Снизу донесся голос господина Дорна:

— Селеста! Дорогая, спускайся!

Она выпрямилась и разгладила юбку.

— Пойдем.

Я сделала шаг назад.

— Мне лучше остаться наверху.

— Не глупи. Он знает, что у меня есть секретарь. Мне понадобятся бумаги для отца.

Она пошла первой.

Я последовала за ней, чувствуя, как сильно бьется сердце.

На середине лестницы увидела Дариана.

Вблизи он оказался еще выше. Серые глаза, темные брови, прямой нос. Никакой сказочной красоты, которую любят описывать в балладах. На подбородке темнела короткая щетина, словно он не успел привести себя в порядок после дороги. У виска виднелась небольшая светлая полоска старого шрама.

Он смотрел только на Селесту.

Так внимательно, с такой открытой надеждой, что мне стало стыдно.

— Госпожа Дорн, — произнес он.

Селеста остановилась на последней ступеньке.

— Господин Вард.

Он взял ее протянутую руку и наклонился.

— Наконец-то.

Одно слово.

Я слышала его так отчетливо, будто он произнес его рядом с моим ухом.

Наконец-то.

Сколько раз я представляла, как он произнесет это при встрече?

Селеста улыбнулась.

— Дорога была тяжелой?

— Дольше, чем я рассчитывал. На восточном тракте ремонтируют мост. Пришлось сделать крюк.

— Надеюсь, вы не слишком устали.

— Сейчас уже нет.

Он сказал это просто.

Селеста заметно расслабилась.

Господин Дорн, довольный приемом, предложил гостю пройти в гостиную. Я собиралась незаметно отойти, когда Селеста оглянулась.

— Лина, подойди.

Пришлось приблизиться.

— Это моя помощница, Лина Весс. Она ведет переписку и помогает с делами дома.

Дариан повернулся ко мне.

Я заставила себя посмотреть ему в лицо.

— Рада знакомству, господин Вард.

— Взаимно, госпожа Весс.

Он говорил спокойным, низким голосом.

Именно таким, каким я почему-то всегда его представляла.

Мне захотелось рассмеяться над собственной глупостью. Голос мог оказаться совершенно другим. Он мог говорить быстро, заикаться от волнения, иметь неприятную привычку повышать тон.

Но голос был именно таким.

— Селеста упоминала, что вы помогаете ей с письмами, — сказал он. — Должно быть, работы немало.

— В последнее время было достаточно, господин Вард.

— Особенно по моей вине, полагаю.

Он улыбнулся.

Я опустила глаза.

— Ваши письма никогда не были обременительными.

Только произнеся это, поняла, что сказала слишком много.

Секретарю не следовало оценивать личную переписку хозяев.

Но Дариан не удивился.

— Рад это слышать.

Он повернулся к Селесте, и разговор продолжился.

Я отошла к двери.

Никто не заметил, как я сжала пальцы, пытаясь унять дрожь.

Господин Дорн предложил гостю вино. Дариан отказался, попросил воды и оглянулся на сопровождающего.

— Марек, корзина у тебя?

Мужчина у двери кивнул.

В гостиную внесли небольшую плетеную корзину, накрытую темной тканью.

— Это вам, — сказал Дариан Селесте. — Небольшая вещь с дороги.

Селеста улыбнулась.

— Как мило.

Он снял ткань.

В корзине лежали яблоки.

Зеленые, с желтоватыми боками, небольшие и явно кислые.

Я узнала сорт с первого взгляда.

Северная кислица.

Мама покупала такие осенью на рынке, когда на более сладкие яблоки не хватало денег. Она запекала их с небольшим количеством меда, а я всегда съедала одно сырым, пока она не видела.

Позднее я написала об этом Дариану.

Не потому, что хотела рассказать о счастливом детстве.

Он спросил, какая мелочь могла заставить меня улыбнуться в самый плохой день.

Я ответила правду.

Тогда мне казалось, что это безобидная подробность. Ничего такого, что могло бы повредить кому-либо.

Дариан достал из корзины одно яблоко.

— Не уверен, что это именно тот сорт. Пришлось расспросить нескольких торговцев. Один даже пытался убедить меня, что яблоки с красными боками ничуть не хуже.

Селеста растерянно посмотрела на плод.

— Вы привезли мне яблоки?

— Вы написали, что любите кислые. Без меда.

Она на мгновение замерла.

Я увидела, как в ее глазах мелькнуло узнавание.

Она действительно читала то письмо.

— Ах да, — произнесла она. — Конечно.

Дариан улыбнулся.

— Надеюсь, угадал.

— Несомненно. Это очень внимательный подарок.

Он протянул ей яблоко.

Она приняла его двумя пальцами.

Я вспомнила, как однажды Селеста отодвинула тарелку с кислыми фруктами и сказала, что не понимает людей, которым нравится портить себе удовольствие.

Сейчас она держала яблоко и старалась выглядеть довольной.

А я стояла возле двери, прижав ладонь к животу, потому что мне вдруг стало трудно дышать.

Он запомнил.

Среди разговоров о болезни матери, государственных делах, дорогах и торговых договорах Дариан запомнил мои яблоки.

Привез их через полстраны.

И отдал другой женщине.

— Лина, — позвала Селеста. — Передай корзину на кухню. Пусть оставят часть фруктов к ужину.

Я подошла.

Дариан передал корзину мне, придерживая ее за ручку.

Его пальцы оказались совсем близко к моим.

Я заметила старый шрам, пересекающий ладонь.

— Осторожно, — сказал он. — На дне лежит стеклянная банка. Мед с северных пасек.

— Благодарю.

— Это для госпожи Дорн, — пояснил он. — Хотя, насколько я помню, она предпочитает яблоки без него.

Он произнес это с такой теплой насмешкой, что я едва удержала лицо неподвижным.

— Я передам, господин Вард.

Он отпустил ручку.

Я вышла из гостиной.

Только добравшись до коридора, позволила себе остановиться.

Пальцы болели от того, как крепко я держала корзину.

На кухне было шумно. Кухарка спорила с помощницей из-за пирога. Томас пытался стащить с подноса кусок сыра.

Я поставила корзину на стол.

— От господина Варда, — сказала я. — Просили подать часть яблок к ужину.

Кухарка заглянула внутрь.

— Кислятина какая.

— Зато хорошие, — ответила я.

— Откуда знаешь?

— Я этот сорт люблю.

Она вынула одно яблоко и протянула мне.

— Тогда держи. Все равно госпожа не станет есть столько.

Я покачала головой.

— Не надо.

— Да бери. Не отравлены же они.

Я взяла яблоко.

Оно было прохладным, твердым, с маленькой темной точкой возле черенка.

Я долго смотрела на него, прежде чем положить в карман фартука.

Съесть его сразу не смогла.

К вечеру дом немного успокоился.

Гость переоделся после дороги. Селеста ушла к себе поправить прическу. Господин Дорн велел подать ранний ужин, потому что хотел обсудить с будущим зятем поставки зерна до приезда представителей торгового дома на следующей неделе.

Меня тоже пригласили к столу.

В дни, когда после еды планировалась работа с документами, Селеста иногда оставляла меня рядом. Это было удобнее, чем отправлять за каждой нужной бумагой слугу.

Обычно я сидела у дальнего края стола и молчала, если меня не спрашивали.

Сегодня мне хотелось оказаться где угодно, только не там.

Я надела простое темное платье, переложила в его карман яблоко, убрала волосы и проверила, не осталось ли на пальцах чернил.

На левой руке все равно темнело небольшое пятно у ногтя.

Я потерла его влажным полотенцем.

Чернила не сошли.

Когда вошла в столовую, все уже собрались.

Дариан сидел справа от господина Дорна. Без дорожного плаща он выглядел не таким суровым. На нем была темно-серая рубашка с узкими манжетами, а волосы, еще слегка влажные после умывания, были зачесаны назад.

Селеста сидела напротив него.

Господин Дорн оживленно рассказывал о состоянии южных дорог.

Я заняла свое место.

Сначала разговор шел исключительно о делах.

Зерно, пошлины, ремонт мостов, количество возов, которые могли пройти через перевал до первых снегов.

Мне было проще слушать это, чем наблюдать, как Дариан смотрит на невесту.

— Если северная дорога будет закрыта раньше обычного, мы потеряем почти две недели, — заметил господин Дорн.

— Поэтому я и просил не назначать последнюю отправку на конец осени, — ответил Дариан.

— Наши люди уверяют, что успеют.

— Ваши люди не отвечают за обвалившиеся мосты.

Господин Дорн нахмурился.

— Вы не слишком доверяете управляющим, Вард.

— Доверяю достаточно, чтобы читать их отчеты.

Я опустила глаза в тарелку.

Дариан говорил спокойно. Он не пытался произвести впечатление и не смягчал каждое возражение улыбкой.

Селеста включилась в разговор, уточнив стоимость перевозки.

Они быстро нашли общий язык.

Это не должно было меня удивлять. Селеста разбиралась в торговых делах не хуже отца. В доме часто говорили, что после свадьбы ее участие в управлении принесет пользу северной стае.

Я сама считала это разумным.

Дариану нужна была жена, которая смогла бы стоять рядом с ним во время сложных переговоров.

Селеста прекрасно подходила.

Мне оставалось только не вспоминать, как он однажды написал, что мечтает вечером вернуться домой, сесть у окна и услышать от любимой женщины, что произошло за день.

Не получить отчет.

Просто услышать.

— Лина, — обратился ко мне господин Дорн, — где последняя ведомость по южным поставкам?

— В синей папке, господин.

— Я просил положить ее в кабинет.

— Она лежит на вашем письменном столе, рядом с расчетами за прошлый месяц.

— Вы уверены?

— Да.

Он кивнул и продолжил разговор.

Селеста бросила на меня благодарный взгляд.

Через несколько минут подали запеченную рыбу.

Я почти не чувствовала вкуса еды.

Дариан повернулся к Селесте.

— Кстати, я хотел спросить. Вы по-прежнему думаете, что в будущем доме нам хватит маленькой библиотеки?

Она подняла глаза.

— Библиотеки?

— Мы говорили об этом весной.

Я крепче сжала вилку.

Седьмое письмо.

Он писал, что в родовом доме слишком много комнат, построенных для гостей и торжеств. Ему хотелось устроить небольшую библиотеку возле кухни, чтобы зимой там можно было читать и пить чай, не разжигая огромный камин в главной гостиной.

Я ответила, что мне нравятся маленькие комнаты. В них легче разговаривать.

Селеста задумалась.

— В Ровене уже есть библиотека, верно?

— Большая. Но я говорил о другой.

— Ах да. Помню. Думаю, это можно устроить.

— Вы тогда написали, что предпочли бы комнату с окнами на сад.

— На сад, — повторила Селеста.

— Да.

Она улыбнулась.

— Если это возможно, разумеется.

Дариан кивнул.

Но я заметила, как он немного откинулся на спинку стула.

Не разочарованно.

Скорее так, словно ему не удалось продолжить разговор, на который он рассчитывал.

Мне захотелось вмешаться.

Сказать, что северная сторона дома наверняка будет холодной. Что библиотеку лучше устроить над кухней или возле южной стены. Что у небольших окон есть свое преимущество: зимой можно сидеть рядом и смотреть, как снег ложится на карниз.

Я могла бы сказать все это.

И он ответил бы.

Мы опять начали бы разговаривать.

Только на этот раз я сидела бы перед ним, а не пряталась за бумагой.

— Лина, вы совсем ничего не едите, — заметила Селеста.

Я вздрогнула.

— Простите. Задумалась.

— О работе?

— Да.

Дариан посмотрел на меня.

— Настолько много дел?

— Перед вашим приездом накопилось несколько срочных ведомостей.

— Надеюсь, мы не слишком усложнили вам жизнь.

— Нисколько, господин Вард.

Он чуть приподнял бровь.

— Вы всегда так отвечаете?

Я растерялась.

— Как?

— Будто любая просьба ничего вам не стоит.

Господин Дорн рассмеялся.

— Прекрасное качество для секретаря.

Мне стало неприятно, хотя хозяин, скорее всего, не хотел меня обидеть.

— Это зависит от просьбы, — сказала я.

Дариан улыбнулся.

— Справедливо.

Разговор вернулся к торговле.

А я поняла, что он впервые за весь вечер по-настоящему посмотрел на меня.

Не как на работницу дома.

Как на человека, которому задал вопрос и услышал ответ.

От этой маленькой, совершенно обычной вещи мне стало еще тяжелее.

После ужина господин Дорн попросил принести документы.

Я поднялась первой.

В кабинете на столе действительно лежала синяя папка. Рядом я нашла ведомость, которую закончила утром, и несколько расписок за прошлую неделю.

Когда вернулась, мужчины уже обсуждали стоимость перевозки по восточной дороге.

Селеста стояла у камина.

Она казалась довольной.

И почему бы ей не быть довольной?

Ее жених оказался образованным, влиятельным мужчиной, умеющим говорить по делу. Он не был груб, не пытался демонстрировать власть над чужим домом и явно относился к будущему браку серьезно.

Я положила бумаги на стол.

Господин Дорн раскрыл ведомость.

— Вот. Восемьдесят четыре воза до середины месяца.

— Семьдесят восемь, — сказала я, прежде чем успела подумать.

Все повернулись ко мне.

У меня похолодели руки.

— Простите.

Господин Дорн нахмурился.

— Что значит семьдесят восемь?

— Шесть возов учтены дважды. Они вернулись на склад после поломки оси, а потом были внесены в список повторно при новой отправке.

Он посмотрел в бумаги.

— Где это указано?

Я приблизилась к столу.

— Здесь, господин. Вот первоначальная запись. А вот повторная, через четыре дня. Номера совпадают.

Дариан наклонился над ведомостью.

На его правой ладони снова показался шрам.

Я отвернулась от руки и сосредоточилась на цифрах.

— Груз не потерян, — объяснила я. — Просто количество отправок отличается от количества повозок. Если считать объем зерна, нужно брать эту строку.

Господин Дорн внимательно изучил записи.

— Почему управляющий не исправил?

— Я отправила ему замечание вчера. Ответа пока нет.

Дариан провел пальцем вдоль строки.

— Значит, для перевозки потребуется больше дней, чем мы рассчитывали.

— При нынешнем количестве повозок — да, — ответила я.

— На сколько?

Я мысленно пересчитала.

— Если не будет задержек на мосту, приблизительно на три. Но лучше заложить четыре.

Дариан посмотрел на меня.

— Хорошо.

Он просто принял мои расчеты, и мне стало легче дышать.

Господин Дорн закрыл папку.

— Лина, завтра подготовьте исправленную ведомость.

— Конечно.

— И отправьте копию управляющему.

— Сделаю.

Я вернулась к своему месту.

Дариан снова обратился к хозяину.

— Тогда давайте обсудим, какие грузы отправить первыми.

Они говорили еще около получаса.

Я отвечала, когда требовались цифры или сведения о прежних поставках.

В какой-то момент совсем перестала думать о письмах.

Мне нравилась моя работа.

Я умела разбираться в чужих небрежных записях, замечала ошибки, которые другим казались мелочами, и получала удовольствие, когда запутанный список превращался в понятную таблицу.

Когда-то мама говорила, что у меня голова устроена как хороший шкаф: все лежит по своим местам, но только я знаю, где какой ящик.

Папа смеялся и отвечал, что шкаф, который невозможно открыть без хозяйки, не особенно удобен.

Я невольно улыбнулась.

— Что-то забавное? — спросил Дариан.

Я подняла голову.

Он смотрел на меня поверх бумаг.

— Вспомнила отца.

— Надеюсь, в хорошем смысле.

— В хорошем.

— Тогда не буду мешать.

Он снова склонился к ведомости.

Я отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

Потом вспомнила, что отец умер двенадцать лет назад и уже никогда не услышит этой истории.

А Дариан вообще ничего о нем не знает.

В письмах я ни разу не назвала настоящего имени отца.

Не могла.

Я написала только о его шутках и о том, как мама сердилась, когда он заносил домой мокрые сапоги.

Селеста могла читать это спокойно. Она знала о моей семье достаточно, чтобы понимать, что воспоминания не ее, но в них не было имен и дат, способных вызвать прямой вопрос.

Теперь, сидя в нескольких шагах от Дариана, я с болезненной ясностью понимала, как далеко все зашло.

Он мог спросить Селесту об отце.

О матери.

О том, как пахла наша маленькая кухня после дождя.

И она не знала бы, что ответить.

Я должна была остановиться гораздо раньше.

В начале все казалось обычной работой.

Селеста диктовала письма, я записывала. Потом она начала оставлять мне короткие заметки.

«Поблагодарить за цветы».

«Ответить о погоде».

«Написать, что согласна на перенос визита».

Я составляла красивые, но совершенно безличные ответы.

Однажды Дариан прислал письмо, в котором рассказывал, что его мать перестала выходить в сад. Болезнь усилилась, и он не знал, стоит ли заставлять ее гулять.

Селеста прочитала письмо между двумя встречами.

— Напиши что-нибудь утешительное, Лина. Ты ведь хорошо умеешь.

Я села за стол.

Написала, что человеку иногда нужен покой больше, чем прогулка. Что можно поставить кресло возле окна и открыть его, если позволяет погода.

Потом добавила от себя:

«Когда мама болела, я иногда так старалась сделать для нее что-нибудь полезное, что забывала просто посидеть рядом. Теперь мне часто кажется, что она хотела именно этого».

Я понимала, что пишу о собственной матери.

Не о Селестиной.

Но хозяйка прочитала письмо и подписала.

А Дариан ответил спустя шесть дней.

Он написал, что перенес материнское кресло к окну. Впервые за несколько недель они спокойно поговорили, не обсуждая лекарства и лечение.

«Вы оказались правы, — написал он тогда. — Ей было нужно мое время, а не очередное решение».

Я помнила это предложение дословно.

И помнила, как впервые захотела, чтобы следующая его благодарность предназначалась мне.

После этого я должна была остановиться.

Но не остановилась.

За окном стемнело.

Господин Дорн наконец объявил, что дела можно отложить до утра.

Селеста предложила гостю пройти в гостиную и выпить чаю.

Я стала собирать бумаги.

— Лина, — сказал господин Дорн, — оставьте папку здесь. Завтра продолжим.

— Хорошо.

Селеста направилась к двери. Дариан задержался, пропуская ее вперед.

Я взяла несколько листов, которые необходимо было переписать, и случайно уронила один на пол.

Бумага скользнула под край стола.

— Простите, — пробормотала я, наклоняясь.

Дариан оказался рядом быстрее меня.

Он поднял лист и протянул.

— Пожалуйста.

— Благодарю.

Наши пальцы не соприкоснулись.

Он посмотрел на мои руки.

— Чернила.

Я сразу спрятала левую ладонь.

— Они плохо отмываются.

— Знаю.

Я удивленно подняла глаза.

Он повернул свою руку ладонью вверх.

Шрам пересекал кожу от основания большого пальца почти до запястья.

— После того моста я несколько месяцев писал так неровно, что управляющий заставил меня пользоваться песком для просушки чернил. Иначе размазывал половину страницы.

Я знала.

Он писал об этом.

Даже приложил однажды лист, на котором показал, насколько испортился его почерк.

Я тогда ответила, что буквы выглядят вполне прилично, хотя одна напоминает перевернутую подкову.

В ответ он прислал целую строку одинаковых букв и попросил выбрать лучшую.

Я обвела третью.

Селеста, прочитав мой ответ, только пожала плечами.

— Вы привыкли? — спросила я.

— К чему?

— К шраму.

Он посмотрел на ладонь.

— Почти. Иногда рука ноет перед дождем. Но писать я уже научился.

— Это заметно.

Я осеклась.

Дариан поднял брови.

— Вы видели мой почерк?

— Конечно. Я разбираю часть переписки госпожи Дорн.

Он кивнул.

— Тогда сочувствую вам. В дороге он становится особенно скверным.

Мне пришлось улыбнуться.

— Я встречала гораздо хуже.

— Даже так?

— Один поставщик пишет свои счета настолько неразборчиво, что мы в прошлом месяце приняли слово «овес» за «осел».

Дариан неожиданно рассмеялся.

Не громко, но совершенно искренне.

— Надеюсь, осла не доставили вместо овса?

— Нет. Но управляющий уже успел написать сердитый ответ.

Он снова улыбнулся.

Я почувствовала, как у меня потеплели щеки.

— Господин Вард! — позвала из коридора Селеста.

Он обернулся.

— Иду.

Потом посмотрел на меня.

— Спасибо за помощь с ведомостью, госпожа Весс.

— Это моя работа.

— Тем не менее.

Он вышел.

Я осталась возле стола, сжимая лист бумаги, и не знала, что было хуже: когда он смотрел на Селесту так, словно хотел наконец увидеть женщину из писем, или когда смотрел на меня без всякого ожидания.

Потому что во втором случае я могла позволить себе быть обычной.

Сказать глупость об осле, испачкать пальцы, засмеяться.

И он улыбался мне, ничего не зная о том, сколько раз я мысленно произносила его имя.

Я собрала документы и вернулась в свою комнату.

Там было прохладно.

Я закрыла окно, зажгла лампу и достала из кармана яблоко.

За день оно немного согрелось.

Я положила его на стол рядом с незаконченным прошением.

Затем открыла нижний ящик.

В нем лежали мои черновики.

Не все. Большинство я сдавала вместе с чистовиками, а ненужные листы уничтожала. Но несколько страниц сохранила для работы: варианты фраз, исправления, короткие записи о том, что следовало уточнить у Селесты.

Среди них находился черновик последнего ответа.

Я вынула его.

«Дариан, я рада, что ты приедешь. Мне страшно думать о нашей встрече, потому что на бумаге легче быть смелой. Там можно остановиться посреди фразы и выбрать другие слова. В жизни придется говорить сразу.

Я надеюсь, что мы понравимся друг другу такими, какие есть».

Последнюю строчку Селеста попросила заменить.

— Слишком тревожно, — сказала она тогда. — Он может подумать, что я неуверенна в нашем будущем.

В чистовике получилось:

«Дорогой Дариан, с нетерпением жду нашей встречи. Уверена, что мы прекрасно поладим».

Селеста подписала письмо.

Я отправила его.

Теперь, сидя за своим столом, смотрела на зачеркнутые слова и впервые за долгое время не могла придумать им достойного оправдания.

Я обманула человека.

Даже если не начинала с намерением обмануть.

Даже если каждое письмо проходило через руки хозяйки.

Даже если сначала это была просто работа.

Он полюбил мысли и чувства, которые Селеста согласилась назвать своими.

А я позволила ему поверить.

Я сложила черновик и убрала обратно.

Потом взяла яблоко и откусила маленький кусочек.

Оно оказалось таким кислым, что у меня свело скулы.

Я тихо рассмеялась.

— Угадал, — сказала я пустой комнате.

И заплакала.

Не сразу.

Сначала только защипало глаза. Потом я села на кровать, положила яблоко на блюдце и закрыла лицо ладонями.

Я плакала беззвучно, чтобы не услышали за дверью.

Это было унизительно.

Мне двадцать шесть лет, я умею зарабатывать, веду счета крупного торгового дома, могу составить договор и спорить с управляющими, которые вдвое старше меня.

А сейчас реву из-за мужчины, который привез моей хозяйке корзину фруктов.

Я вытерла лицо рукавом.

Потом встала, умылась холодной водой и вернулась к столу.

Нужно было закончить прошение.

«Прошу освободить меня от занимаемой должности после передачи текущих дел...»

Я написала еще две строки и остановилась.

Снизу донесся смех Селесты.

Я узнала его сразу. Хозяйка редко смеялась так свободно.

Несколько секунд спустя раздался голос Дариана.

Слов я не разобрала.

Даже мой более тонкий слух не позволял слышать разговоры сквозь толстые стены, если двери были закрыты.

И все же я знала, что он там.

Сидит возле камина.

Может быть, снова рассказывает о Ровене. О своей сестре. О старой собаке, которая уже почти не слышит хозяйских шагов.

Или слушает Селесту.

Возможно, все будет хорошо.

Возможно, они действительно полюбят друг друга после свадьбы.

Селеста умна. Дариан порядочен. У них много общего, кроме писем.

А мне останется только уехать.

Я дописала прошение.

Поставила свое имя.

Лина Весс.

Два коротких слова, которые никогда не появлялись в письмах Дариану Варду.

На следующее утро я проснулась раньше обычного.

Ночью шел дождь. В саду мокли дорожки, с ветвей падали тяжелые капли.

Я открыла окно, вдохнула холодный воздух и несколько минут просто стояла, пытаясь собрать мысли.

Вчерашний вечер казался мне странным сном.

Но на столе лежало яблоко с маленьким следом от зубов.

Значит, все произошло.

Я убрала его в ящик, чтобы не видеть, и спустилась к завтраку.

На кухне уже работали.

Томас чистил серебряные подносы, кухарка проверяла выпечку.

— Доброе утро, госпожа Весс, — протянул он с преувеличенной важностью.

Я поморщилась.

— Что опять?

— Говорят, вы вчера поправили самого господина Дорна.

— Я поправила цифры.

— А господин Вард вас похвалил.

— Он сказал «хорошо».

— Суровые северяне на большее не способны.

Я взяла кусок хлеба.

— Томас, если тебе нечем заняться, на кухне полно посуды.

— Все, ухожу.

Он подхватил поднос и исчез за дверью.

Я улыбнулась.

Мне нравился Томас. Он мог болтать без остановки, но никогда не расспрашивал о том, о чем я не хотела говорить.

Когда-то он спросил, правда ли я могу обращаться в волчицу.

Я ответила, что если бы умела, давно бы откусила ему нос за бесконечные разговоры.

С тех пор вопрос больше не возникал.

После завтрака я направилась в кабинет Селесты.

Сегодня предстояло подготовить документы для прогулки, проверить список завтрашних гостей и переписать исправленную ведомость.

Один из счетов оказался испорчен водой. Я попросила принести копию из архива.

Когда вернулась к столу, Селеста уже вошла.

Она выглядела необычно оживленной.

— Лина, он совсем не такой, как я ожидала.

Я подняла голову.

— Кто?

— Дариан, конечно.

Она подошла к окну.

— Я думала, он окажется гораздо суровее. Отец говорил, что северные альфы грубоваты, особенно в делах.

— Господин Вард производит хорошее впечатление.

— Да. И очень хорошо разбирается в торговле.

Она улыбнулась.

— Правда, иногда задает странные вопросы.

Я замерла с пером в руке.

— Какие?

— О доме. О том, как я люблю проводить вечера. Вчера несколько раз вспоминал какие-то мелочи из писем.

Я заставила себя пожать плечами.

— Наверное, ему приятно, что вы обсуждали будущее.

— Возможно. Но он, кажется, все воспринимает слишком буквально.

Селеста подошла к столу и взяла один из листов.

— Помнишь, мы писали о маленькой библиотеке?

— Помню.

— Я ведь не всерьез собиралась проводить вечера в тесной комнате с книгой. У меня будут обязанности. В Ровене наверняка принимают гостей, устраивают собрания.

Я молчала.

Она продолжила:

— Я не против библиотеки, разумеется. Но иногда мне кажется, что он представляет себе жену совсем не так, как я представляю себя.

— Вы можете сказать ему об этом.

Селеста взглянула на меня.

— Конечно, скажу. Просто не хочется начинать знакомство со споров.

— Это не обязательно будет спор.

— Ты плохо знаешь мужчин, Лина. Они не любят, когда им сразу возражают.

Я вспомнила вчерашний разговор о ведомости.

Дариан не рассердился, когда я поправила цифры.

Но мне не хотелось спорить с Селестой.

— Возможно, вы правы.

Она снова посмотрела в окно.

— Сегодня мы будем гулять по саду. Отец считает, что нам нужно немного времени вдвоем.

— Это хорошая мысль.

— Ты пойдешь с нами до беседки. Возьмешь папку со списком гостей. Потом можешь вернуться.

Я кивнула.

Она ушла выбирать обувь.

Я осталась одна.

И несколько минут смотрела на незаконченный документ, не различая букв.

Селеста не была плохой женщиной.

Она не собиралась причинять Дариану боль.

Просто он принимал ее письма за обещания, а она считала их приятным способом поддерживать знакомство.

Я же знала, как сильно меняется значение обычных слов, когда человек начинает в них верить.

В сад мы вышли ближе к полудню.

Дождь закончился. Дорожки успели подсохнуть, листья на кустах блестели от влаги.

Дариан ждал у крыльца.

Сегодня он был в темном сюртуке без украшений. На плечах сидел так плотно, что я невольно заметила, насколько он крупнее мужчин из нашего дома.

Селеста протянула ему руку.

Он поцеловал ее пальцы.

Мне пришлось отвернуться.

Мы прошли вдоль дорожки к фонтану.

Дариан спрашивал о городе, Селеста рассказывала о новых складах и благотворительном обществе, которому ее семья перечисляла деньги.

Разговор шел хорошо.

Я почти успокоилась.

Затем Селеста остановилась возле куста поздних роз.

— Посмотрите, какие красивые.

Дариан наклонился к одному из цветов.

— Моя мать очень любила такие.

Селеста мягко улыбнулась.

— Мне жаль, что я не успела с ней познакомиться.

— Мне тоже.

Они помолчали.

Я стояла на несколько шагов позади, прижимая папку к груди.

Дариан посмотрел на розы.

— В последние недели она почти не выходила из комнаты. И все равно каждый день спрашивала, распустились ли цветы.

Селеста коснулась его руки.

— Это очень грустно.

— Да.

Он накрыл ее ладонь своей.

Я отвела глаза.

Потом услышала:

— Вы ведь помните, что написали мне тогда?

Вопрос прозвучал негромко.

У меня сразу пересохло во рту.

Селеста не убрала руку.

— Конечно.

— Я часто вспоминал ваши слова.

Он не стал повторять их вслух, и я была ему за это благодарна.

Я знала, о каких словах он говорил.

«Не требуйте от себя терпения каждую минуту. Усталость не означает, что вы любите меньше».

Я написала это в тот вечер, когда получила его тяжелое письмо о матери.

Моя собственная мама перед смертью почти перестала вставать. Иногда она просила меня просто посидеть рядом, а я бегала за врачом, лекарствами, чистым бельем, убеждая себя, что делаю все необходимое.

После похорон мне еще долго казалось, что я отдала ей слишком мало времени.

Поэтому я написала Дариану то, что сама хотела когда-то услышать.

Не знала, правильно ли это.

Просто хотела, чтобы ему было немного легче.

Дариан отпустил руку Селесты.

— Простите. Я не собирался портить прогулку тяжелыми воспоминаниями.

— Вы ничего не испортили.

Она сказала это искренне.

И я снова подумала, что он мог бы быть счастлив с ней.

Если бы только полюбил настоящую Селесту, а не ту женщину, которую я придумала из собственной жизни.

У беседки я передала папку хозяйке.

— Список гостей и время завтрашних встреч, госпожа.

— Благодарю, Лина.

Я присела в коротком поклоне.

Дариан повернулся ко мне.

— Вы не останетесь?

Вопрос застал меня врасплох.

Селеста ответила раньше:

— У Лины еще много работы. Она уже потратила на нас половину утра.

— Тогда не стану задерживать.

Он чуть наклонил голову.

— Хорошего дня, госпожа Весс.

— И вам, господин Вард.

Я пошла обратно по дорожке.

Каждый шаг давался тяжело.

Позади раздался тихий смех Селесты.

Я не обернулась.

В доме меня ждали бумаги.

Я села за стол и несколько часов занималась счетами.

Это помогло.

Числа ничего не знали о любви. Они требовали внимания, не ожидали красивых признаний и не могли вдруг посмотреть на меня серыми глазами.

К середине дня я закончила ведомость.

Проверила расчеты дважды, поставила дату и отложила чистовик для господина Дорна.

Потом достала прошение об увольнении.

Еще раз прочитала.

Все было правильно.

Никаких объяснений, никаких жалоб.

Я просила освободить меня после передачи дел и выплатить жалованье за отработанное время.

Оставалось вручить бумагу Селесте.

Я сложила лист втрое и убрала в карман платья. Вручу вечером, после ужина. Так будет проще.

В середине дня ко мне заглянул один из управляющих.

Он принес исправленную накладную и попросил помочь разобраться с расхождением между двумя поставками.

Мы просидели над документами почти час.

Когда я наконец подняла голову, в дверях стоял Дариан.

Он не вошел сразу.

— Простите, не хотел мешать.

Управляющий поспешно встал.

— Господин Вард.

— Продолжайте. Я ищу господина Дорна.

— Он в западном крыле, — ответила я. — Проверяет документы перед завтрашней встречей.

— Благодарю.

Он уже собирался уйти, когда заметил лежащую передо мной ведомость.

— Это исправленный список?

— Да.

— Могу взглянуть?

Я протянула ему лист.

Он подошел ближе.

От него пахло холодным воздухом, кожей дорожных ремней и чем-то свежим, похожим на влажную древесину.

Он внимательно прочитал расчеты.

— Здесь вы тоже учли задержку на мосту?

— Да. И возможное ухудшение погоды.

— Хорошо.

Он поднял глаза.

— Вы давно занимаетесь такими документами?

— С тех пор, как поступила на службу к госпоже Дорн.

— До этого?

— Училась переплетному делу. Немного работала у мастера.

— И предпочли счета книгам?

Я улыбнулась.

— В книгах обычно меньше жалованье.

Он рассмеялся.

Управляющий тоже усмехнулся — с запозданием, словно не сразу понял шутку.

— Разумный выбор, — сказал Дариан.

Потом снова посмотрел на лист.

— У вас очень аккуратный почерк.

Я почувствовала, как сжалось горло.

— Спасибо.

— Почти как печатный.

Я заставила себя ответить спокойно:

— Моя мать учила детей грамоте. Она считала, что плохой почерк заставляет других людей тратить время.

Дариан кивнул.

— Хорошее правило.

Я посмотрела на него. Похоже, он ничего не подозревал: письма Селесты были написаны моей рукой, но он знал об этом заранее. Для состоятельной женщины вполне обычно пользоваться услугами писца.

Ему просто понравился аккуратный документ.

И все же на секунду мне показалось, что я стою перед открытой дверью, за которой лежит вся правда.

Достаточно было сказать несколько слов.

«Господин Вард, письма писала я».

Но что потом?

Рассказать при управляющем, как я отвечала на его признания?

Объяснить, что Селеста все читала и подписывала?

Признаться, что каждый раз ждала его ответа?

Он вернул ведомость.

— Еще раз спасибо, госпожа Весс.

— Не за что.

Дариан ушел.

Управляющий принялся собирать бумаги.

Я смотрела на дверной проем, пока он не кашлянул.

— Госпожа Весс, мне нужно отправить копию до вечера.

— Конечно.

Я опустила глаза к документам.

Руки снова дрожали.

После его ухода я долго не могла сосредоточиться.

Меня мучила странная мысль.

В письмах я всегда находила правильные слова. Даже когда плакала над чужими признаниями, могла сесть за стол, высушить лицо и написать такой ответ, от которого Дариану становилось легче.

А сегодня он задал мне несколько простых вопросов, и я едва не потеряла способность говорить.

Может быть, это и было доказательством того, что он меня совершенно не знал.

Он любил женщину, которая умела быть спокойной и мудрой на бумаге.

В жизни я могла растеряться, ошибиться, рассердиться. Забыть нужное слово или заплакать из-за яблока.

Я никогда не показывала ему эту себя.

Даже если бы призналась, не было никакой уверенности, что настоящая Лина Весс понравилась бы ему.

К вечеру дом опять наполнился голосами.

Селеста вернулась с прогулки довольная, хотя немного устала. Она велела принести чай в свои комнаты и попросила меня разобрать почту.

Писем оказалось немного: два приглашения, уведомление из лавки тканей и записка от родственницы.

Я разложила их по папкам.

Селеста переоделась и села у зеркала с чашкой чая.

— День прошел неплохо, — сказала она.

— Я рада.

— Дариан очень внимателен.

Я промолчала.

— Только все время возвращается к письмам.

Она отпила чай.

— Наверное, это пройдет, когда мы лучше узнаем друг друга.

Я не нашлась с ответом.

Селеста оглянулась.

— Что с тобой сегодня, Лина? Ты почти не разговариваешь.

— Устала.

— Тогда заканчивай с почтой и иди отдыхать.

Я поставила последнюю папку на полку.

Прошение лежало в кармане.

Сейчас.

Нужно было просто достать его.

— Госпожа Селеста...

Она подняла глаза.

— Да?

Я сунула руку в карман и коснулась сложенного листа.

Но Селеста вдруг сказала:

— Подожди. Я хотела тебя кое о чем спросить.

Я остановилась.

— Слушаю.

Она поставила чашку на блюдце.

— Сегодня в саду Дариан снова говорил о матери. Потом, когда мы остались вдвоем, он упомянул один из последних вечеров, когда она еще была в сознании.

У меня похолодели пальцы.

— Что именно он сказал?

— Что часто вспоминает наш разговор после того вечера.

Селеста нахмурилась.

— Я, разумеется, помню, что мы писали ему соболезнования. Но он говорил о каком-то случае раньше. Когда он вышел из комнаты матери, потому что больше не мог там находиться.

Я медленно убрала руку из кармана.

Этот случай я помнила.

Дариан рассказал о нем в тринадцатом письме.

Он просидел возле матери почти всю ночь. Ренна не могла заснуть, звала его, забывала, что он только что приносил ей воду, просила переставить кресло, хотя уже не могла в нем сидеть.

В какой-то момент Дариан не выдержал.

Сказал, что больше не знает, чего она от него хочет.

Сразу пожалел, но слова уже прозвучали.

Он вышел в коридор, закрыл дверь и несколько минут стоял там, ненавидя себя.

Когда вернулся, мать тихо попросила его не сердиться.

Он написал мне об этом.

Вернее, Селесте.

Я отвечала несколько часов.

Потому что вспомнила, как однажды сказала собственной матери, что устала.

Мама тогда попросила прощения.

И я много лет не могла простить себе этот разговор.

Поэтому в ответном письме написала:

«Ты не обязан быть добрым каждую минуту, чтобы любить ее. Ты устал. Ты испугался. Ты сказал то, чего не хотел. Но потом вернулся. Не превращай несколько плохих минут в доказательство того, что все остальное было напрасно».

Это было самое честное письмо из всех, что я написала ему.

И самое чужое для Селесты.

Она смотрела на меня, ожидая объяснения.

— Он сказал, что именно после моего ответа смог снова зайти к матери без стыда, — продолжила она. — Но я не помню, что мы ему тогда написали.

Я почувствовала, как сердце тяжело ударило в груди.

Селеста взяла со столика маленький блокнот.

— Лина, найди мне это письмо. И объясни, пожалуйста, что именно он имел в виду, вспоминая тот вечер у постели матери.

Я не двинулась.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Что такое?

Я могла принести письмо.

Прочитать ей каждую строку.

Подсказать, что ответить, если Дариан снова заговорит о матери.

Сделать то, за что мне платили.

Он поверил бы Селесте.

Поблагодарил бы ее.

Возможно, даже поцеловал.

Я представила, как он берет ее руку и говорит, что никогда не забудет те слова.

Слова, которые я написала, когда сама плакала по матери.

И вдруг поняла, что больше не могу.

Не потому, что хотела отнять у Селесты жениха.

Не потому, что надеялась занять ее место.

Просто я больше не могла смотреть, как чужая женщина принимает благодарность за то единственное, что действительно было моим.

Селеста отложила блокнот.

— Лина?

Я подняла голову.

— Госпожа, нам нужно поговорить.

Она нахмурилась.

— О чем?

Я почувствовала в кармане сложенное прошение.

Бумага была уже влажной от моей ладони.

— О письмах, — ответила я.

И впервые за семь месяцев испугалась не того, что Дариан узнает правду.

Я испугалась, что Селеста попросит меня солгать еще раз.

Глава 2. То, что он запомнил

Селеста не сразу ответила.

Она сидела перед зеркалом, придерживая пальцами жемчужную серьгу, которую собиралась снять. В отражении я видела, как медленно менялось выражение ее лица.

— О письмах? — переспросила она.

— Да, госпожа.

— Что с ними?

Я посмотрела на дверь. За ней время от времени проходили слуги, слышались шаги и приглушенные голоса.

— Вы позволите закрыть?

Селеста нахмурилась.

— Лина, ты меня пугаешь. Что случилось?

— Ничего нового. Просто нам давно следовало это обсудить.

Я подошла к двери, осторожно прикрыла ее и вернулась к письменному столу.

Селеста сняла вторую серьгу.

— Говори.

Я столько раз представляла этот разговор, что теперь не могла выбрать, с чего начать.

Мне хотелось сказать ей, что Дариан приезжал не только ради выгодного союза. Что он любил женщину, которой рассказывал о самых тяжелых днях своей жизни. Что она должна понимать, какую ответственность принимает вместе с его чувствами.

Но я была секретарем.

Селеста платила мне за работу, а не за советы о собственной помолвке.

— Господин Вард воспринимает наши письма гораздо серьезнее, чем вы думаете, — сказала я.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Разумеется, серьезно. Мы собираемся пожениться.

— Я не о договоренностях. О личных письмах.

— А что с ними не так?

— В них есть вещи, которых вы мне не диктовали.

Селеста положила серьги на бархатную подушечку.

— Лина, я прекрасно помню, как мы работали. Ты составляла ответы, я их читала.

— Я знаю.

— И что?

Я с трудом заставила себя продолжить:

— Вы помните письмо, в котором он рассказывал, как сорвался на мать?

— Ты только что напомнила.

— Ответ тогда написала я. Не по вашим указаниям.

— Я его прочитала и согласилась отправить.

— Но слова о том, как трудно бывает ухаживать за больным человеком, я написала из собственного опыта.

Селеста некоторое время молчала.

Потом откинулась на спинку стула.

— Я понимаю, к чему ты ведешь.

Мне стало страшно.

— Правда?

— Ты считаешь, что я должна была сама писать все письма.

Я опустила глаза.

— Не совсем.

— Тогда объясни. Я ведь не заставляла тебя подделывать мою подпись. Все ответы проходили через меня. Если мне не нравилась фраза, я просила ее изменить.

— Да.

— И я никогда не просила тебя писать ничего неприличного или унизительного.

— Нет, госпожа.

— Так в чем дело?

Я смотрела на ее руки.

Красивые, ухоженные пальцы. Светлые ногти. Золотое кольцо с небольшим изумрудом.

Она действительно не понимала.

Для нее не было большой разницы между красивым письмом, которое составлял секретарь, и речью, которую для важного выступления готовил помощник.

Но Дариан не просил о красивой речи.

Он писал женщине, которую хотел однажды обнять.

— В том, что господин Вард отвечает не на формальности, — сказала я. — Он делится с вами тем, о чем не говорит другим. А некоторые наши ответы заставляют его думать, что вы переживали то же самое.

Селеста провела пальцем по краю стола.

— Я потеряла мать, Лина. Ты ведь знаешь.

— Знаю.

— Разве я не могу понять, каково это?

— Можете. Но вы не рассказывали мне о своих чувствах. Я использовала свои.

Она выпрямилась.

— Ты обвиняешь меня в обмане?

— Я пытаюсь объяснить, почему больше не хочу писать такие письма.

Эти слова прозвучали громче, чем я рассчитывала.

Селеста замерла.

За окном ударила о подоконник ветка. Я слышала, как на улице стучали копыта и где-то вдалеке торговец выкрикивал цену свежей рыбы.

В комнате стало удивительно тихо.

— Ты хочешь отказаться от части своих обязанностей? — спросила она наконец.

— От личной переписки, в которой мне приходится придумывать чувства за другого человека.

Селеста поднялась.

— Я никогда не просила придумывать чувства. Я просила помогать мне выражать мысли.

— Но иногда мыслей не было.

Она резко повернулась.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я почувствовала, что краснею.

— Простите. Я не хотела вас обидеть.

— Уже обидела.

— Я знаю.

Селеста подошла к окну и остановилась спиной ко мне.

Я не стала оправдываться.

В этом доме она могла приказать мне уйти, написать плохую рекомендацию или вообще отказаться выплатить премию за последние месяцы. И хотя основное жалованье мне полагалось по договору, спорить с богатой семьей было бы неприятно.

Но сейчас меня пугало другое.

Я действительно причинила ей боль.

Селеста никогда не называла себя прекрасной рассказчицей или знатоком человеческих душ. Она управляла складами, вела переговоры, замечала выгодные предложения раньше собственного отца.

И считала, что этого достаточно, чтобы стать хорошей женой.

Возможно, она была права.

Просто не для мужчины, который полюбил ее по моим письмам.

— Ты думаешь, я ему не понравилась? — неожиданно спросила она.

Я подняла голову.

Селеста продолжала смотреть в окно.

— Я видела, как ты наблюдала за нами. Вчера за столом, сегодня в саду. Ты будто все время ждешь, что я скажу что-нибудь не то.

— Я не имею права оценивать ваши отношения.

— Но оцениваешь.

Я не ответила.

Она повернулась.

Впервые за весь разговор в ее лице было не раздражение, а неуверенность.

— Я ему не понравилась, Лина?

Мне захотелось подойти и обнять ее.

Селеста редко показывала слабость. Обычно она находила способ решить проблему прежде, чем окружающие понимали, что та возникла.

Но сейчас передо мной стояла женщина, которая готовилась к браку с почти незнакомым мужчиной и боялась, что не оправдала его ожиданий.

— Он был очень внимателен к вам, — ответила я.

— Это не одно и то же.

— Вы произвели хорошее впечатление. Я видела, как он слушал вас за ужином.

Селеста слабо улыбнулась.

— Когда мы говорили о зерне.

— Вы прекрасно разбираетесь в торговле.

— А он, кажется, рассчитывал разговаривать о чем-то другом.

Я промолчала.

Она подошла к креслу и села.

— Отец уверен, что нам подходит этот брак. Я тоже так думаю. Дариан умен, у него хорошая репутация. Мне нравится, что он не пытается спорить ради спора и умеет слушать. Разве этого мало для начала?

— Нет, госпожа.

— Тогда почему ты смотришь на меня так, словно я собираюсь сделать что-то ужасное?

У меня сжалось горло.

Потому что я сама сделала ужасное.

И боялась, что теперь расплачиваться придется всем троим.

— Я просто не хочу больше писать о том, чего не знаю, — ответила я.

Селеста некоторое время рассматривала меня.

— Хорошо.

Я не сразу поверила, что услышала правильно.

— Что?

— Больше не будешь составлять личные признания. Если понадобится ответить на приглашение или согласовать поездку, подготовишь обычное письмо. Все остальное я скажу сама.

Я почувствовала облегчение, от которого даже закружилась голова.

— Благодарю, госпожа.

— И не нужно так смотреть. Я не собираюсь заставлять тебя делать то, что тебе неприятно.

Она взяла чашку с остывшим чаем.

— Только найди мне тот ответ. Про его мать.

Облегчение исчезло.

— Зачем?

— Я хочу перечитать его. Не могу же я забывать такие вещи, если они для него важны.

Это была разумная просьба.

Я кивнула.

— Найду.

— И, Лина...

Я остановилась у двери.

— Да?

— В следующий раз, если тебя что-то беспокоит, говори сразу. Не надо ходить вокруг меня с таким видом, будто я тебя собираюсь казнить.

Она попыталась улыбнуться.

Я ответила ей тем же.

— Хорошо, госпожа.

В коридоре я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Разговор состоялся.

Я больше не буду писать любовные письма вместо Селесты.

Наверное, следовало почувствовать радость.

Но мне было только страшно.

Потому что теперь Дариану придется узнать настоящую женщину, которую он собирался сделать своей женой.

А мне — смотреть, как он это делает.

На следующее утро Селеста отправила меня в город.

Нужно было забрать несколько книг из переплетной мастерской, передать управляющему портовых складов новые расчеты и заказать бумагу для семейного архива.

Дел было достаточно на полдня.

Я обрадовалась возможности выйти из дома.

После приезда Дариана мне все чаще казалось, что стены особняка медленно сдвигаются. За каждой дверью мог оказаться он. Каждый чужой смех заставлял меня прислушиваться.

Сегодня я могла хотя бы несколько часов не думать о том, где он находится.

Я ошиблась.

Когда вышла во двор, возле крыльца уже стояла открытая повозка.

Селеста поправляла перчатки, а Дариан разговаривал с кучером.

— Лина! — позвала хозяйка. — Прекрасно. Мы как раз собирались выезжать.

Я остановилась.

— Госпожа?

— Дариан захотел посмотреть город. Мы решили проехать через торговую площадь, а потом прогуляться вдоль набережной. Ты ведь тоже едешь в эту сторону?

— Да, но у меня несколько поручений.

— Значит, поедешь с нами до площади. Заодно покажешь, где сейчас делают хорошую бумагу.

Я хотела возразить, но не нашла подходящего повода.

Селеста уже забиралась в повозку.

Дариан подал ей руку, потом повернулся ко мне.

— Доброе утро, госпожа Весс.

— Доброе утро.

Он посмотрел на тяжелую папку у меня под мышкой.

— Позвольте помочь.

— Благодарю, я справлюсь.

— Я не сомневался.

Он отступил, освобождая проход.

Его ответ почему-то заставил меня улыбнуться.

Я устроилась на сиденье напротив Селесты.

Дариан сел рядом с ней.

Повозка тронулась.

Первые несколько минут мы ехали молча. Потом Селеста начала показывать гостю знакомые здания, рассказывать о торговых семьях и о том, как за последние годы выросла западная часть города.

Дариан слушал внимательно.

Я старалась смотреть на улицу.

После ночного дождя Линд пах мокрым камнем, хлебом и дымом из печных труб. На перекрестке два мальчишки спорили из-за сломанного колеса игрушечной тележки. Возле булочной женщина в зеленой шали покупала корзину пирогов.

Обычная жизнь продолжалась.

Мне стало немного легче.

— А где вы живете, госпожа Весс? — неожиданно спросил Дариан.

Я повернула голову.

— Сейчас в доме господина Дорна.

— Я имел в виду до службы.

— В восточном квартале. Неподалеку от старой мельницы.

— Вы родились в Линде?

— Да.

— И никогда не бывали на севере?

— Нет.

Он улыбнулся.

— Значит, вы еще не видели настоящей зимы.

— У нас тоже идет снег.

— На два дня, если верить Селесте.

Хозяйка рассмеялась.

— Иногда на три.

Я пожала плечами.

— Мне вполне хватает.

— Вы говорите так, словно снег вас чем-то обидел, — заметил Дариан.

— Он обычно появляется в тот день, когда мне нужно идти за покупками в самой неподходящей обуви.

Он засмеялся.

И я снова испытала то странное чувство, которое не покидало меня со вчерашнего вечера.

Я знала, как он смеется над письмами.

Вернее, представляла.

Иногда он отвечал шуткой на мою шутку, и я улыбалась над бумагой, воображая, что мы сидим друг напротив друга.

А теперь он действительно смеялся.

Селеста посмотрела на нас.

— Лина терпеть не может холод.

— Не сам холод, госпожа. Мокрые ноги.

— Разве есть разница?

— Огромная.

Дариан покачал головой.

— У нас вы бы быстро научились выбирать сапоги.

Я хотела сказать, что никогда не окажусь в Ровене.

Что мне незачем учиться носить северные сапоги.

Но вовремя прикусила язык.

— Вероятно, — ответила я.

Селеста принялась рассказывать о зимних приемах в городе.

Дариан слушал ее, а я смотрела на его руки.

Он повернул правую руку ладонью вверх, и тонкая светлая полоса шрама была отчетливо видна.

Интересно, ноет ли у него сегодня рука? Ночью снова шел дождь. Я едва не спросила, но отвернулась к улице.

На торговой площади повозка остановилась возле большого здания с каменными колоннами.

Селеста вышла первой.

Дариан помог ей спуститься, затем протянул руку мне.

Я на мгновение замерла.

Отказаться было бы невежливо. Он подавал руку из обычной учтивости.

Я положила пальцы на его ладонь.

Она оказалась теплой и твердой.

Я почти сразу отпустила ее.

— Благодарю.

— Не за что.

Судя по его спокойному виду, он не придал нашему короткому прикосновению никакого значения.

Селеста оглянулась.

— Лина, мы сначала зайдем к книготорговцу. Ты ведь говорила, что переплетчик находится рядом?

— Через две улицы.

— Прекрасно.

Мы направились к книжной лавке.

Я знала ее с детства. Владелец, пожилой господин Ферн, когда-то покупал у мамы учебные тетради, а после ее смерти несколько раз помогал мне найти небольшую работу.

В лавке пахло бумагой, кожей и пылью.

Я невольно вдохнула глубже.

Дариан заметил.

— Любите книги?

— Очень.

— Какие?

Я почему-то растерялась от такого простого вопроса.

— Разные.

Он усмехнулся.

— Исчерпывающий ответ.

Селеста направилась к полке с дорогими альбомами.

— Лина может часами перебирать старые издания. Особенно если они повреждены.

— Потому что старые книги часто можно восстановить, — возразила я.

— А мне всегда кажется, что проще купить новую.

Я улыбнулась.

— Иногда новой не существует.

Дариан посмотрел на меня.

— Это уже звучит убедительнее.

Господин Ферн вышел из-за прилавка.

— Лина Весс! Рад видеть. Ты опять за своими старыми развалинами?

— Сегодня по делу, господин Ферн.

— Так я и поверил.

Он тепло пожал мне руку.

— Как поживает Рута?

— Хорошо. Я собиралась заглянуть к ней после обеда.

— Передай, что заказанные нитки пришли. И скажи ей, что я все еще жду обещанный переплет.

— Передам.

Селеста подошла ближе.

— Лина, ты знакома с хозяином?

— Много лет, госпожа.

Я представила их друг другу.

Господин Ферн сразу принялся показывать Селесте дорогие книги с цветными иллюстрациями. Дариан задержался возле полки с дорожными записками.

Я остановилась рядом с коробкой поврежденных изданий, которые лавочник продавал почти за бесценок.

Там лежала небольшая книга в темно-синей обложке.

Я осторожно подняла ее.

Корешок разошелся, несколько страниц выпадали, но бумага оставалась хорошей.

Это было старое собрание рассказов о северных дорогах.

Я раскрыла книгу.

На полях кто-то аккуратно отмечал расстояния между поселениями.

— Интересная вещь? — спросил Дариан.

Я не услышала, как он подошел.

— Да.

— Что там?

Я показала раскрытую страницу.

— Здесь записаны старые названия деревень. Некоторые сейчас уже не используются. А это, кажется, поправки прежнего владельца.

Он наклонился ближе.

Мне пришлось задержать дыхание.

— Это дорога к Ровену, — сказал он.

— Я заметила.

— Но переправа здесь указана неправильно.

— Возможно, тогда она находилась дальше по течению.

Дариан внимательно посмотрел на карту.

— Верно. Старый мост разобрали еще при моем деде.

Я улыбнулась.

— Значит, книга действительно старая.

Он провел пальцем над страницей, не касаясь бумаги.

— Вы собираетесь ее купить?

— Нет. Просто смотрю.

— Почему?

Я подняла глаза.

— Потому что пришла не за покупками.

Он посмотрел на цену, написанную карандашом на обороте.

— Она недорогая.

— Для вас, вероятно.

Я сказала это спокойно, без упрека.

Но Дариан сразу убрал руку.

— Простите.

Мне стало неловко.

— Вы ничего плохого не сказали.

— Все равно вопрос был неудачный.

Я закрыла книгу и положила ее обратно.

— Я иногда помогаю Руте восстанавливать старые переплеты. У меня еще остались инструменты. Может быть, когда-нибудь куплю что-нибудь подобное просто для удовольствия.

— Вы умеете переплетать книги?

— Немного.

— Это объясняет, почему вы так осторожно их держите.

Я посмотрела на него.

Он улыбнулся.

— Я заметил.

И снова во мне что-то болезненно дрогнуло.

Он замечал мелочи: в день приезда — яблоки и чернила, сегодня — мои руки на старой книге. Просто умел смотреть на людей, и в этом не было ничего похожего на влюбленность.

Мне следовало помнить об этом.

— Господин Вард! — позвала Селеста. — Посмотрите, какой прекрасный альбом.

Он повернулся.

— Иду.

Прежде чем уйти, еще раз взглянул на книгу.

— Спасибо, что показали карту.

Я кивнула.

Селеста купила большой альбом с изображениями северных замков.

Дариан выбрал для сестры книгу о лошадях.

Я ничего не купила.

На улице солнце уже высушило большую часть мостовой.

Мы прошли к набережной, где разгружали баржи с зерном и деревом. Селеста рассказывала Дариану о новых складах, которые собиралась открыть семья.

Я шла немного позади, держа папку и сверток с заказанной бумагой.

Возле причала рабочие поднимали тяжелые мешки. Один из них поскользнулся, едва удержался на ногах и громко выругался.

Дариан невольно повернул голову.

— У вас здесь слишком узкий проход, — заметил он.

Селеста проследила за его взглядом.

— Отец уже обсуждал расширение. Но соседний участок принадлежит другому торговому дому.

— Можно изменить порядок разгрузки.

Она оживилась.

— Я предлагала это весной.

Они начали обсуждать, как организовать движение повозок.

Я слушала их, постепенно успокаиваясь.

Вот о чем им действительно нравилось разговаривать.

О дороге, по которой доставляют зерно. О людях, которых нужно нанять. О том, как избежать потерь и сделать работу безопаснее.

Селеста знала цифры, Дариан — устройство северных дорог.

Они дополняли друг друга.

Возможно, письма просто мешали им увидеть то хорошее, что между ними уже могло возникнуть.

Я почти убедила себя в этом, когда Селеста неожиданно сказала:

— В Ровене нам придется много принимать гостей, верно?

— В определенное время года, — ответил Дариан. — Зимой дорогами почти не пользуются. А весной приезжают представители соседних стай.

— Значит, потребуется хороший зал для приемов.

— Он уже есть.

— Я бы хотела его обновить.

Дариан задумался.

— Если вам будет там удобнее, мы обсудим.

— И, возможно, перестроить восточное крыло.

Он посмотрел на нее.

— Восточное?

— Я слышала, там несколько пустующих комнат.

— После смерти матери мы почти ими не пользуемся.

Селеста остановилась.

— Простите, я не знала.

— Ничего страшного.

Он сказал это спокойно, но я заметила, как на мгновение напряглись его плечи.

В восточном крыле находились покои Ренны.

Он писал об этом.

О большой комнате с видом на яблоневый сад, о кресле возле окна, о старом ковре, который мать отказывалась менять, хотя он давно протерся.

Дариан еще не был готов даже переставить вещи.

Я знала это.

Селеста — нет.

— Мы можем заняться другим крылом, — поспешно сказала она.

— Конечно.

Разговор закончился.

Я почувствовала, как во мне поднимается знакомое желание вмешаться.

Объяснить Селесте то, чего она не знала.

Подсказать Дариану, что ее предложение было продиктовано заботой о будущем доме, а не равнодушием к памяти его матери.

Снова подобрать слова за двоих.

Я сжала папку крепче. Нет, они должны научиться разговаривать сами, без меня.

После полудня Селеста решила вернуться домой.

Я попросила разрешения закончить поручения пешком.

— Ты уверена? — спросила хозяйка. — Мы можем подвезти.

— Мне нужно зайти к Руте Мей. Это совсем рядом.

Селеста кивнула.

— Хорошо. Только не задерживайся до вечера. Отец хочет получить ведомости до ужина.

— Я помню.

Дариан стоял возле повозки.

— Рад был познакомиться с вашим городом, госпожа Весс.

Я улыбнулась.

— Вы видели только торговую площадь.

— Значит, у Линда еще есть возможность меня удивить.

— Несомненно.

Он подал руку Селесте.

Я отвернулась раньше, чем она взялась за нее.

Повозка уехала.

Я осталась посреди оживленной улицы, с тяжелой папкой и странным чувством потери.

Пока мы были вместе, мне постоянно хотелось убежать.

А теперь, когда он уехал, я ловила себя на желании услышать его голос еще раз.

Я сердито выдохнула и направилась к лавке Руты.

Она находилась на узкой улице недалеко от старой ратуши.

Над дверью висела вывеска с изображением раскрытой книги. Краска на ней облупилась, но Рута отказывалась заказывать новую.

Говорила, что пока люди умеют читать, они найдут нужную дверь.

Я вошла без стука.

В лавке пахло клеем, кожей, сухими травами и крепким чаем.

Рута сидела за большим столом, прижимая тяжелым прессом новый переплет.

У нее были седые волосы, собранные в тугой узел, острый нос и удивительно живые темные глаза.

Она подняла голову.

— Лина? Вот уж кого не ожидала.

— Здравствуй, Рута.

— Живая?

— Кажется.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Значит, не совсем.

Я улыбнулась.

Рута сняла очки и отложила в сторону деревянную линейку.

— Садись. Чай будешь?

— Если есть.

— У меня всегда есть. Только не жалуйся, что крепкий.

Я поставила папку возле стула.

Пока Рута возилась с чайником, я рассматривала знакомые полки.

Здесь все оставалось почти таким же, как в те годы, когда я приходила учиться. Коробки с нитками, аккуратно сложенные листы бумаги, деревянные инструменты, рулоны кожи.

За дальним столом молодой подмастерье прошивал книжный блок толстого справочника.

Рута поставила передо мной чашку.

— Ну, рассказывай.

— Что?

— Почему выглядишь так, словно всю ночь переписывала чужие завещания?

Я опустила глаза.

— Работа.

— Работа у тебя всегда. А такое лицо появилось недавно.

Она села напротив.

Я обхватила чашку ладонями.

Рута знала меня с семнадцати лет. После смерти отца мама водила меня к ней учиться ремеслу. Позднее, когда заболела сама, именно Рута помогла найти хорошего врача.

Она не обещала, что все будет хорошо.

Зато однажды пришла к нам с горячим супом и сказала, что на голодный желудок даже горевать труднее.

Я любила ее за это.

— Я хочу уйти из дома Дорнов, — сказала я.

Рута не удивилась.

— Когда?

— Скоро.

— Нашла другое место?

— Пока нет.

— Деньги есть?

— Немного. На несколько месяцев, если не тратить лишнего.

Она кивнула.

— И почему уходишь?

Я посмотрела на чай.

Можно было сказать, что устала. Что хочу попробовать работать самостоятельно. Что больше не нравится жить под одной крышей с хозяевами.

Все это было правдой.

Но Рута слишком хорошо меня знала.

— Я сделала глупость, — призналась я.

Она не стала торопить.

За соседним столом подмастерье осторожно постукивал маленьким молотком.

Рута молча ждала.

— Ты когда-нибудь писала письмо, которое не должна была писать? — спросила я.

— Конечно.

— И что потом?

— Зависит от письма.

Я невольно улыбнулась.

— Ты не собираешься помогать мне оправдываться?

— Нет, пока не пойму, что ты натворила.

Я рассказала ей не все: не могла заставить себя произнести, что мужчина признался в любви другой женщине из-за моих слов.

Но объяснила, что последние месяцы составляла личные письма за Селесту. Что постепенно стала отвечать слишком откровенно, используя собственные воспоминания. Что теперь жених приехал и все время возвращается к переписке.

Рута слушала, не перебивая.

Когда я закончила, она подлила мне чай.

— Ты в него влюбилась? — спросила она.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Рута...

— Лина.

Я закрыла лицо ладонью.

— Да.

Она не ахнула и не принялась меня осуждать.

Только тяжело вздохнула.

— Вот беда.

От этих двух слов мне стало так горько, что я едва не расплакалась.

— Я не собиралась.

— Верю.

— И ничего не хотела отнимать у Селесты.

— Верю и этому.

— Тогда почему мне кажется, что я совершила что-то ужасное?

Рута подождала, пока я посмотрю на нее.

— Потому что ты поступила неправильно и сама это понимаешь.

Я опустила голову.

Она не стала смягчать сказанное.

— Ты ведь не была обязана писать о себе, Лина. Могла ограничиться вежливым ответом.

— Я знаю.

— Но тебе хотелось, чтобы он написал снова.

Я молчала.

— Так?

Я кивнула.

Рута провела рукой по столу, смахивая крошки сухого клея.

— Любовь иногда делает людей глупыми. Это не новость. Но если ты хочешь исправить то, что сделала, придется перестать прятаться за работу.

Я посмотрела на нее.

— Что ты предлагаешь?

— Для начала уйти с этой должности. Если больше не можешь выполнять ее честно.

— Я уже написала прошение.

— Значит, осталось вручить.

Я провела пальцем по краю чашки.

— А потом?

Рута задумалась.

— У меня есть несколько заказов, которые я не успеваю закончить. Старые семейные книги, два переплета и один большой архив. Помощь пригодится.

— Ты и без меня справишься.

— Справлюсь. Но дольше.

— Рута, я не хочу, чтобы ты брала меня из жалости.

Она фыркнула.

— Из жалости я могла бы дать тебе суп и позволить поплакать на моей кухне. А за работу я собираюсь платить. И спрашивать буду как со всех.

Я засмеялась.

Впервые за два дня — без усилия.

— Сколько?

Она назвала сумму.

Меньше моего жалованья у Дорнов, но достаточно, чтобы не тратить сбережения слишком быстро.

— Еще у меня освободилась комната над лавкой, — добавила Рута. — Помнишь, там жил старый Берт?

— Он съехал?

— Уехал к дочери. Комната маленькая, зато сухая. И окно выходит во двор, а не на улицу.

Я вдруг представила себе эту комнату.

Узкую кровать, стол возле окна, несколько полок для книг.

Тишину.

Никто не позовет меня среди ночи, чтобы переписать приглашение. Никто не попросит подобрать слова для человека, которого я люблю.

Я смогу приходить домой и знать, что все вещи принадлежат мне.

— Сколько стоит? — спросила я.

Рута назвала небольшую сумму.

— Можешь посмотреть сегодня.

Я почувствовала, как сжимается горло.

— Спасибо.

Она махнула рукой.

— Не благодари раньше времени. Лестница там крутая, а зимой иногда дует из окна.

— Я переживу.

— Еще мне не нужны слезы на заказах. Бумага дорогая.

Я засмеялась снова.

Рута улыбнулась.

Потом посерьезнела.

— Только одно скажу, Лина.

— Что?

— Не надейся, что уход решит все.

Я опустила глаза.

— Я понимаю.

— Ты можешь перестать работать на Селесту. Можешь не видеть этого мужчину. Но если он женится, а потом узнает, что самые личные слова ему писала другая женщина, ему будет больно. И тебе тоже.

Я сжала чашку.

— Я не знаю, как сказать ему.

— Тогда сначала реши, готова ли вообще говорить правду.

Я долго молчала.

В лавке пахло старой бумагой и чаем. Подмастерье закончил работу и вышел во двор, оставив нас вдвоем.

— Он хороший человек, — сказала я наконец.

Рута внимательно посмотрела на меня.

— Ты знаешь его всего несколько дней.

— Я знаю его письма.

— Именно поэтому я и спрашиваю.

Я хотела возразить.

Сказать, что семь месяцев переписки значат гораздо больше, чем несколько встреч.

Но не смогла.

Я знала Дариана таким, каким он хотел показаться женщине, которую собирался любить.

Он мог быть вспыльчивым, нетерпеливым, упрямым. Мог по утрам молчать, не выносить беспорядка и сердиться, когда ему возражали.

Я не знала, каково быть с ним каждый день.

Не знала, как он ведет себя, когда ему отказывают.

И не знала, смогла бы любить его, если бы никогда не получила ни одного письма.

— Наверное, ты права, — сказала я.

Рута покачала головой.

— Я не пытаюсь убедить тебя, что он плохой. Просто не делай из писем человека, которого еще не успела узнать.

Я поставила чашку.

— Мне нужно возвращаться.

— Конечно. Господин Дорн без твоих цифр наверняка потеряет все зерно.

Я улыбнулась.

— Он найдет другого секретаря.

— Найдет. А ты найдешь другую работу. Не забывай об этом.

Я поднялась.

Рута проводила меня к двери и вдруг обняла.

Так неожиданно, что я на мгновение застыла.

Потом обхватила ее руками.

Она пахла кожей, чаем и немного лавандой.

Почти как мама.

— Не мучай себя бесконечно, девочка, — тихо сказала она. — Ошибку можно признать. Исправить получится не все, но попробовать ты обязана.

Я кивнула ей в плечо.

Когда вышла на улицу, солнце уже клонилось к крышам.

Мне предстояло еще доставить бумаги и вернуться к ужину.

Я пошла быстро.

В кармане лежало прошение об увольнении.

Впервые оно казалось не потерей, а возможностью.

На четвертый день после приезда Дариана господин Дорн собрал нас в малой столовой.

Он любил начинать утро с деловых разговоров, пока остальные еще не успели окончательно проснуться.

Селеста сидела возле окна и пила кофе.

Дариан внимательно изучал принесенную накануне карту дорог.

Я стояла у небольшого стола с расписанием встреч.

— Итак, — сказал господин Дорн, — через шесть дней объявим о помолвке.

Я подняла голову.

— Через шесть? — переспросила Селеста.

— Да. Все приготовления почти закончены. Представители торговых домов прибудут к десятому дню вашего знакомства.

Дариан отложил карту.

— Мы еще не обсудили точную дату свадьбы.

— Разумеется. Ее можно объявить позже.

Господин Дорн улыбнулся.

— Но помолвку стоит представить официально. Люди и так знают, что вы приехали за моей дочерью.

Селеста посмотрела на Дариана.

— Я не возражаю.

Он не ответил сразу.

Я заметила, как его пальцы легли на край стола.

— Хотелось бы сначала провести больше времени вместе, — сказал он.

Господин Дорн удивился.

— Вы ведь переписывались семь месяцев.

— Именно поэтому.

Я почувствовала, как по спине прошел холодок.

Селеста поставила чашку.

— Дариан, вас что-то беспокоит?

— Нет. Просто хочу, чтобы мы лучше узнали друг друга до объявления.

— У нас еще шесть дней, — заметил господин Дорн.

Дариан посмотрел на него.

— Я не привык принимать личные решения только потому, что остальные уже назначили дату.

В комнате стало тихо.

Господин Дорн медленно откинулся на спинку стула.

Мне показалось, что сейчас начнется спор.

Но Селеста неожиданно улыбнулась.

— Я согласна с Дарианом.

Отец повернулся к ней.

— Селеста?

— Нам действительно стоит больше разговаривать. Думаю, пока можно продолжать подготовку, но окончательное объявление мы сделаем только после того, как оба будем уверены.

Я едва не выдохнула вслух.

Дариан посмотрел на нее с явным одобрением.

— Благодарю.

— В конце концов, — добавила Селеста, — это наш брак.

Господин Дорн несколько секунд молчал.

Потом развел руками.

— Хорошо. Готовиться все равно нужно. Если решите перенести объявление, гостей предупредим.

Он повернулся ко мне.

— Лина, приглашения уже отправлены?

— Основные — да. Осталось несколько подтверждений.

— Прекрасно. Тогда продолжайте. В случае изменений сообщим отдельно.

Я кивнула.

После завтрака господин Дорн вызвал меня в свой кабинет.

На столе лежали две толстые папки и несколько конвертов с фамильной печатью.

— Весь материал по будущему союзу должен быть приведен в порядок, — сказал он. — Никаких разбросанных бумаг.

— Разумеется, господин.

— Переписка между Селестой и Вардом тоже относится к семейным документам. У нас принято сохранять такие вещи.

Я подняла глаза.

— Личные письма?

— Они важны для истории семьи.

Я сжала пальцы.

— Но они адресованы госпоже Селесте.

— Именно поэтому и будут храниться в ее архиве. Никто не собирается читать их без разрешения.

Он указал на шкаф у стены.

— Селеста уже принесла полученные письма. Подготовьте для них отдельную папку, проверьте последовательность и опишите по датам. Затем положите в архивный шкаф. Ключ останется у моей дочери.

Я посмотрела на стопку конвертов.

Узнала один из них сразу.

Темная бумага, чуть неровно приклеенная печать, небольшой надрыв возле нижнего края.

Пятнадцатое письмо.

То самое, в котором Дариан написал о любви.

Я не открывала его с того дня, когда передала Селесте.

Но теперь оно лежало передо мной.

— Лина?

Я вздрогнула.

— Да, господин.

— Вы слышали?

— Конечно. Я все сделаю.

— И подготовьте список документов по торговому соглашению. Господин Вард хочет пересмотреть несколько условий.

Я собрала папки.

— Хорошо.

Когда вернулась к своему столу, пришлось некоторое время просто сидеть, глядя на конверты.

Шестнадцать писем.

Шестнадцать ответов, которые я ждала с таким нетерпением, что иногда забывала поесть.

Теперь их собирались убрать в семейный архив.

Через несколько лет кто-нибудь мог открыть шкаф и найти свидетельство прекрасной переписки супругов.

Дариан и Селеста Вард.

Муж и жена.

Он писал ей, как скучает. Она отвечала, что ждет его.

Он признавался в страхах. Она утешала.

Он рассказывал о матери. Она писала, что понимает.

И никому не было бы известно, что почти все личные слова родились за другим столом, в маленькой комнате секретаря.

Я осторожно разложила конверты по датам.

Первое письмо было сухим и вежливым.

Дариан благодарил Селесту за согласие познакомиться ближе, уточнял условия будущего визита и сообщал, что с нетерпением ожидает встречи.

Второе касалось управления домом.

Третье — зимних дорог.

Четвертое — семейных обычаев.

А потом в письмах постепенно появился другой человек.

Я знала, в каком именно.

Пятое.

Тогда Дариан впервые спросил не о делах, а о том, случалось ли ей чувствовать себя одинокой среди людей.

Я ответила, что иногда одиночество особенно тяжело в комнате, где все разговаривают друг с другом, а тебя замечают только тогда, когда нужна помощь.

Селеста прочитала ответ и сказала:

— Красиво. Оставь.

Дариан потом признался, что часто испытывал похожее чувство на собраниях старейшин.

Я долго смотрела на то письмо.

Потом на шестое.

Седьмое.

Восьмое.

В одном он рассказывал, как сестра Ида убедила его попробовать испечь пирог ко дню рождения матери. Пирог получился настолько твердым, что один из слуг предложил использовать его вместо подпорки для двери.

Я смеялась над этим письмом до слез.

В ответ написала о том, как сама однажды перепутала соль с сахаром.

Это действительно случилось.

Мама потом неделю дразнила меня, предлагая готовить исключительно супы, чтобы не рисковать.

Дариан ответил, что рядом со мной ему, вероятно, пришлось бы внимательно проверять каждую тарелку.

Я тогда долго сидела с улыбкой, представляя, как он пробует мой ужин.

Теперь это воспоминание причиняло боль.

Я не заметила, как начала читать дальше.

Девятое письмо.

Десятое.

Тринадцатое.

То самое, о матери.

Мне пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем буквы перестали расплываться.

Я аккуратно сложила листы.

Нет.

Больше не буду перечитывать.

Ни одного.

Я составила опись по датам, не заглядывая в содержание, и убрала письма в папку.

Пятнадцатое я положила на место не сразу. Пальцы задержались на конверте.

«Я люблю тебя».

Три слова, которые я никогда не забуду.

Я закрыла папку и отнесла ее к архивному шкафу.

Ключ лежал у Селесты.

Пришлось подняться к ней за разрешением открыть.

Она сидела в своем кабинете и просматривала бумаги по предстоящему приему.

— Лина, как раз вовремя. Я хотела тебя спросить.

Я остановилась у двери.

— Да, госпожа?

— Ты закончила архив?

— Почти. Нужен ключ.

Она открыла ящик и достала маленький латунный ключ.

— Держи.

Я взяла его.

— Благодарю.

Селеста продолжала перелистывать документы.

— Дариан сегодня попросил меня поговорить с ним после обеда.

Мои пальцы замерли.

— О чем?

— О нашем будущем. О том, как мы будем жить в Ровене.

Я кивнула.

— Это хорошо.

— Конечно. Только он хочет поговорить без отца.

— Думаю, это разумно.

Селеста подняла глаза.

— А ты можешь остаться рядом?

Я не сразу нашлась с ответом.

— Зачем?

— На случай, если понадобятся какие-нибудь сведения.

— Госпожа, это личный разговор.

— Лина, я не прошу тебя сидеть между нами. Просто побудь в соседней комнате. Если понадобится, я позову.

Мне хотелось отказать.

Сказать, что у меня много работы. Что я должна закончить архив, отправить копии ведомостей и проверить счета.

Но Селеста уже вернулась к бумагам.

— Хорошо, — ответила я.

Она улыбнулась.

— Ты меня очень выручаешь.

Я вышла с ключом в руке.

У архивного шкафа было три отделения.

В верхнем хранились торговые договоры, в среднем — семейные бумаги, в нижнем — старые письма и книги расходов.

Я поставила папку с перепиской на среднюю полку.

Заперла дверцу.

Вернула ключ Селесте.

И впервые подумала, что, возможно, после моего ухода все письма останутся здесь навсегда.

Мои воспоминания.

Мои слова.

Моя любовь.

В чужом шкафу, под чужой фамилией.

После обеда я расположилась в небольшой комнате рядом с гостиной.

Дверь оставили приоткрытой, чтобы Селеста могла позвать меня, если понадобятся документы.

Я принесла с собой счетную книгу и несколько чистых листов.

Сначала все шло спокойно.

Дариан и Селеста говорили о Ровене.

О погоде, дороге, будущих обязанностях хозяйки дома.

Я старалась не прислушиваться.

Но иногда отдельные слова сами достигали меня.

— Моя сестра ведет хозяйственные счета, — говорил Дариан. — Она очень самостоятельна. Не думаю, что вам придется сразу брать на себя все дела.

— Я хотела бы работать, — ответила Селеста.

— Разумеется.

— Не только устраивать приемы.

— Я этого и не предлагаю.

Мне стало приятно слышать, как легко они согласились.

Селесте действительно было бы трудно жить без дела. Она любила распоряжаться, рассчитывать и видеть результаты своего труда.

А Дариан, кажется, не собирался требовать от нее исключительно красивых платьев и улыбок.

Я перевернула страницу книги.

Затем разговор перешел к дому.

— Я бы хотела отдельный кабинет, — сказала Селеста.

— Конечно.

— И возможность иногда ездить в Линд по делам отца.

— Это можно устроить.

— Мне важно не потерять все, чем я занималась до свадьбы.

Дариан ответил не сразу.

— Понимаю.

Я улыбнулась.

Наверное, они действительно смогут договориться.

Я уже начала верить в это, когда услышала:

— А маленькую библиотеку мы все-таки сделаем?

Селеста негромко рассмеялась.

— Вы никак не забудете эту библиотеку.

— Мне казалось, она вам понравилась.

— Разумеется. Просто я не думала, что вы воспринимаете ее как нечто обязательное.

В комнате повисла пауза.

Я перестала писать.

— Не обязательное, — ответил Дариан. — Мне понравилось, как вы ее описали.

— Возможно, я немного увлеклась.

— Вы писали, что хотели бы сидеть там зимними вечерами, слушать, как трещит огонь, и читать вслух.

У меня заныло сердце.

Я действительно писала это.

Больше всего мне нравилось читать вслух маме, когда она уставала.

Позднее, оставшись одна, я иногда продолжала читать вслух, чтобы слышать в комнате человеческий голос.

Когда Дариан рассказал о библиотеке, я не удержалась и написала, как представляю себе такой вечер.

Не роскошные приемы.

Не драгоценности.

Только теплую комнату, книгу и человека рядом.

— Иногда я люблю читать, — ответила Селеста. — Но не уверена, что буду делать это каждый вечер.

— Я и не рассчитывал на каждый.

Он попытался пошутить.

Селеста не засмеялась.

— Дариан, вам не кажется, что мы слишком много говорили о том, чего еще не было?

Я закрыла глаза.

— Возможно, — сказал он.

— В письмах проще представлять будущее. В жизни все сложнее.

— Я понимаю.

Он помолчал.

— Просто некоторые вещи казались мне важными.

Мне захотелось встать и уйти.

Но я осталась сидеть.

В соседней комнате послышался звон чашек.

Селеста, наверное, предложила ему чай.

Несколько минут они разговаривали о предстоящем приеме.

Я попыталась вернуться к счетам.

Получилось плохо.

Потом Дариан неожиданно спросил:

— Вы ведь получили мое письмо после похорон?

Я подняла голову.

Селеста ответила осторожно:

— Конечно.

— Я не ждал ответа сразу. Но вы написали в тот же день.

— Я хотела вас поддержать.

— И поддержали.

Мне пришлось крепко сжать перо.

То письмо я писала ночью.

Селеста разрешила отправить ответ немедленно, хотя обычно предпочитала подписывать почту утром.

Она сказала, что не стоит заставлять скорбящего человека ждать.

И я была ей за это благодарна.

— Вы тогда написали, что мне не нужно торопиться возвращаться к прежней жизни, — продолжил Дариан. — Что горе не заканчивается по расписанию.

— Да.

— Я часто об этом думал.

Селеста молчала.

— Особенно в первые недели. Мне казалось, что я должен немедленно заняться всем, что откладывал из-за болезни матери. Совет ждал решений, управляющие присылали отчеты. И я чувствовал себя виноватым каждый раз, когда хотел остаться один.

Я сидела неподвижно.

— Ваши слова очень помогли, — сказал он.

Селеста тихо ответила:

— Я рада.

Мне захотелось заплакать, но я не имела права — не здесь и не сейчас.

Дариан продолжил:

— Я даже хотел спросить, как вы сами переживали смерть матери. Вы писали, что знаете это чувство.

Селеста сделала паузу.

— Это было давно.

— Я понимаю. Простите, если вопрос неприятен.

— Нет. Просто... это трудные воспоминания.

Он сразу сменил тему.

И я почувствовала благодарность к нему за то, что не стал настаивать.

Но вместе с ней пришел стыд.

Селеста действительно потеряла мать.

Она имела право не хотеть говорить об этом.

А я заставила Дариана думать, что она готова разделить с ним свои переживания.

Каким же человеком я была?

Я опустила голову и попыталась писать дальше.

На листе появилась клякса.

Чернила расползлись по бумаге.

Я отложила испорченный лист.

Через некоторое время Селеста позвала меня.

— Лина, принеси, пожалуйста, список будущих гостей.

Я взяла папку и вошла.

Дариан стоял у окна.

Селеста сидела возле небольшого столика.

— Вот, госпожа.

Я протянула ей список.

Она начала просматривать имена.

— Отец хочет пригласить представителей трех торговых домов. Но я сомневаюсь насчет семьи Ларсенов.

— Они участвуют в поставках восточной дороги, — заметил Дариан.

— Именно поэтому отец настаивает.

Селеста обратилась ко мне:

— Лина, мы получали ответ от Ларсенов?

— Да. Вчера утром. Госпожа Ларсен обещала приехать с мужем.

— Тогда оставим.

Дариан подошел ближе.

— А кто отвечает за приглашения со стороны Ровена?

— Ваш управляющий прислал предварительный список, — ответила я. — Он лежит в синей папке.

— Можете показать?

Я открыла папку.

Он встал рядом, и мы несколько минут разбирали имена.

Дариан объяснял, какие старейшины смогут приехать, а кого лучше предупредить о переносе даты заранее.

Я записывала.

Наши руки иногда оказывались совсем близко.

Он спрашивал, я отвечала.

Обычный деловой разговор.

Но после того, что я только что услышала из соседней комнаты, мне было трудно смотреть ему в лицо.

— Госпожа Весс, — сказал он вдруг.

Я подняла голову.

— Да?

— Вы очень устали?

Я растерялась.

— Нет, господин Вард.

Он посмотрел на испачканный чернилами палец.

— Простите. Вы сегодня совсем молчаливая.

Селеста рассмеялась.

— Лина обычно такая, когда много работы.

— Понимаю.

Я заставила себя улыбнуться.

— Просто несколько сложных документов.

Он кивнул.

Но взгляд задержал на мне чуть дольше, чем требовалось.

У меня снова появилось мучительное ощущение, что он замечает что-то неправильное.

Не тайну.

Пока нет.

Просто человека, которому трудно находиться рядом.

Я опустила глаза к списку.

Когда мы закончили, Селеста попросила меня отнести бумаги в кабинет отца.

Я с радостью согласилась.

У двери услышала, как Дариан сказал:

— Мне нравится, что ваша помощница не боится исправлять ошибки.

Селеста ответила:

— Лина очень способная. Иногда даже слишком упрямая.

Он усмехнулся.

— Это не всегда недостаток.

Я вышла, не дослушав.

В коридоре остановилась возле окна.

Мне было стыдно за то, как сильно я обрадовалась этим нескольким словам.

Он всего лишь похвалил мою работу. В этих словах не было ни признания в любви, ни просьбы остаться.

А я стояла у окна и улыбалась, словно получила самый дорогой подарок на свете.

Потом вспомнила Селесту.

Ее голубое платье.

Ее улыбку.

Ее уверенность в том, что Дариан станет хорошим мужем.

И улыбка исчезла.

Вечером Селеста позвала меня снова.

Я уже собиралась закончить работу и подняться к себе, когда горничная передала, что хозяйка ждет в кабинете.

Я взяла папку с завтрашними документами и пошла к ней.

Селеста стояла у книжного шкафа.

На столе лежало несколько листов дорогой бумаги.

— Лина, я решила написать Дариану.

Я остановилась.

— Но он ведь здесь.

— Именно поэтому. После сегодняшнего разговора мне кажется, что некоторые вещи лучше объяснить письменно.

Я медленно поставила папку на стол.

— Какие?

Селеста села.

— Он очень серьезно относится к нашему будущему. И мне бы хотелось ответить ему так, чтобы не обидеть.

Я вспомнила наш разговор о письмах.

«Больше не будешь составлять личные признания».

Она сама это сказала.

Я осторожно напомнила:

— Госпожа, мы ведь договорились, что личные письма вы будете писать самостоятельно.

— Конечно.

Селеста взяла перо.

— Я и собираюсь. Просто помоги мне правильно сформулировать мысли.

Мне стало холодно.

— Какие именно мысли?

Она задумалась.

— Что я ценю его внимание. Что понимаю, как тяжело он переживал смерть матери. Что мне приятно думать о нашем будущем доме, даже если некоторые детали мы еще не обсудили.

Я смотрела на нее.

Это были ее собственные мысли.

Не мои.

Но я знала, что произойдет дальше.

Я подберу подходящие слова.

Сглажу неудобные места.

Добавлю немного теплоты.

Потом еще немного.

И письмо снова получится таким, что Дариан прочитает его не как ответ осторожной женщины, а как обещание близости.

— Можно написать это прямо, — сказала я.

Селеста подняла голову.

— Что именно?

— То, что вы только что сказали.

— Так просто?

— Да.

Она посмотрела на чистый лист.

— Но это звучит сухо.

— Зато честно.

Селеста нахмурилась.

— Лина, я не прошу тебя обманывать Дариана. Я хочу красивое письмо.

Я опустила глаза.

— Я понимаю.

— Тогда помоги.

Мне захотелось встать и уйти.

Сказать, что больше не могу.

Но Селеста сидела перед чистым листом, неуверенно держа перо.

Она не была жестокой.

Не хотела причинить мне боль.

Просто не понимала, что каждый раз, когда просит меня написать за нее нежные слова, заставляет возвращаться к тому, от чего я пытаюсь отказаться.

Я придвинула стул.

— Давайте начнем с того, что вы действительно хотите ему сказать.

Она облегченно улыбнулась.

— Хорошо.

Я достала чистый лист для черновика.

Селеста задумалась.

— Напиши, что мне очень понравилось проводить с ним время.

Я записала.

— И что я надеюсь, что мы будем счастливы.

Я подняла глаза.

— Вы действительно так чувствуете?

Она удивилась.

— Конечно.

— Тогда так и напишем.

Селеста улыбнулась.

Несколько минут все шло хорошо.

Она диктовала, я записывала.

Без моих воспоминаний.

Без придуманных признаний.

Без того, чего она сама не могла объяснить.

Я начала успокаиваться.

Потом Селеста сказала:

— И добавь что-нибудь о его матери.

Перо остановилось.

— Что именно?

— Не знаю. Что я понимаю его боль.

Я посмотрела на нее.

— Вы можете написать, что вам жаль, что он пережил такую утрату. И что вы готовы его выслушать, если он захочет поговорить.

— Но это слишком просто.

— Иногда простые слова лучше.

Селеста вздохнула.

— Хорошо. Оставим так.

Я записала.

Она поднялась и подошла к окну.

— Знаешь, Лина, мне иногда кажется, что Дариан ждет от меня чего-то особенного.

Я молчала.

— Не богатства. Не помощи с делами. Не красивого дома.

Она повернулась.

— Будто он уже знает, какой я должна быть.

Я почувствовала, как внутри все сжалось.

— Возможно, он просто очень много представлял себе во время переписки.

Селеста кивнула.

— Наверное.

Она посмотрела на меня.

— Ты ведь читала все его письма?

— Да.

— Как думаешь, что ему действительно нужно от жены?

Это был самый страшный вопрос из всех, которые она могла мне задать.

Я знала, что ему нужно.

Он писал мне об этом.

О женщине, с которой можно молчать, не боясь, что она обидится.

О доме, куда приятно возвращаться не из-за красивых комнат, а потому, что там тебя ждут.

О возможности быть усталым, не объясняя каждому, почему у альфы сегодня нет сил.

О человеке, которому можно рассказать о плохом дне и не услышать немедленного совета стать сильнее.

Но я знала об этом только из писем, в которых его представления смешались с моими ответами и ожиданиями.

Я не имела права превращать их в наставления для Селесты.

— Думаю, ему нужна жена, с которой он сможет быть самим собой, — сказала я наконец.

Селеста задумалась.

— Но разве не всем это нужно?

— Наверное.

Она вздохнула.

— Ты мне совсем не помогаешь.

Я слабо улыбнулась.

— Простите.

Селеста вернулась к столу.

— Ладно. Давай закончим письмо.

Мы дописали его за четверть часа.

Получилось коротко, вежливо и немного сухо. Но каждое слово действительно принадлежало Селесте.

Она перечитала текст.

— Как-то непривычно.

Я не ответила.

— Раньше у нас получалось красивее.

Я положила перо.

— Раньше мы писали иначе.

Она посмотрела на меня.

Мне показалось, что сейчас она спросит, что я имею в виду.

Но Селеста только вздохнула.

— Пусть будет так.

Она подписала письмо.

Я промокнула чернила и передала лист ей.

На этот раз внутри ничего не оборвалось.

Никакое мое воспоминание не уйдет к Дариану под чужим именем.

Это было правильно.

И все же мне было больно.

Потому что я понимала: когда Дариан прочитает новое письмо, он заметит разницу.

Возможно, спишет ее на усталость.

Возможно, решит, что Селеста волнуется.

Но рано или поздно он начнет задавать вопросы.

А ответить придется мне.

Селеста убрала письмо в конверт.

— Передай его завтра утром. Не хочу, чтобы Дариан подумал, будто я тороплюсь.

Я кивнула.

Она улыбнулась.

— И спасибо, Лина. Я бы совсем растерялась без тебя.

Мне хотелось ответить, что лучше бы она научилась обходиться без меня раньше.

Но я промолчала.

Вышла из кабинета и медленно поднялась к себе.

За окном сгущались сумерки.

В комнате было тихо.

На столе лежало прошение об увольнении.

Я взяла его.

Потом достала чистый лист и начала переписывать.

Не потому, что прежний текст был плохим.

Просто теперь я точно знала, чего хочу.

Уйти.

Снять комнату у Руты.

Работать с книгами и письмами людей, которые сами знают, что хотят сказать.

Перестать ждать каждого шага мужчины, который пришел за другой женщиной.

Я написала свое имя.

Лина Весс.

Посмотрела на него.

И неожиданно вспомнила, как Дариан недавно спросил, какие книги я люблю.

Я не смогла ответить.

Потому что рядом с ним терялась даже тогда, когда меня спрашивали о самом простом.

Я засмеялась над собой.

Потом сложила прошение и положила на край стола.

Завтра отдам.

На этот раз обязательно.

Уже поздно вечером кто-то тихо постучал в дверь.

Я подняла голову от книги.

— Войдите.

На пороге появилась горничная.

— Лина, госпожа Селеста просит зайти.

Я устало закрыла книгу.

— Сейчас?

— Да. Она сказала, что это ненадолго.

Я поднялась.

У Селесты еще горели лампы.

Она сидела на диване в домашнем платье, держа в руках раскрытую книгу.

Когда я вошла, она сразу отложила ее.

— Прости, что позвала так поздно.

— Ничего, госпожа.

— Я все думаю о сегодняшнем разговоре с Дарианом.

Я остановилась возле кресла.

— Что случилось?

— Ничего. Он был очень любезен.

Она улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Просто я не могу понять, почему мы так легко разговариваем о делах и так неловко — обо всем остальном.

Я молчала.

— Когда мы переписывались, казалось, что у нас очень много общего.

Я почувствовала, как сердце начало биться быстрее.

Селеста посмотрела на меня.

— А сейчас я иногда не понимаю, о чем он говорит.

Мне захотелось сказать, что это нормально.

Что люди могут долго переписываться, а потом растеряться при первой встрече.

Что ей нужно время.

Но она продолжила:

— Сегодня он спросил, люблю ли я гулять одна.

Я застыла.

— И что вы ответили?

— Что предпочитаю компанию.

Она пожала плечами.

— Это правда. Зачем гулять одной, если можно пригласить подругу?

Я смотрела на нее.

В девятом письме Дариан спрашивал, почему иногда хочется остаться одному даже среди любящих людей.

Я ответила, что одиночество бывает разным.

Иногда оно необходимо, чтобы услышать собственные мысли.

Иногда хочется пройтись по пустой улице, не объясняя никому, почему ты молчишь.

Селеста прочитала мой ответ и подписала.

Теперь Дариан, вероятно, хотел продолжить разговор.

А она даже не понимала, откуда возник вопрос.

— Лина, — сказала Селеста, — ты ведь помнишь, что мы ему писали?

Я медленно кивнула.

— Помню.

— Тогда объясни мне. Почему он так удивился, когда я сказала, что не люблю гулять одна?

Я посмотрела на хозяйку.

В ее глазах не было злости.

Только искреннее недоумение.

Я села в кресло напротив.

— Потому что в одном из писем говорилось, что одиночные прогулки помогают вам успокоиться.

Селеста нахмурилась.

— Разве?

— Да.

— Странно. Я совсем этого не помню.

Я опустила глаза.

Она задумалась.

— Наверное, мы писали слишком много.

Я не ответила.

— Лина, а можешь завтра утром найти все письма, где мы говорили о личных привычках? Я хочу перечитать их перед следующей встречей.

Я почувствовала, как во мне снова поднимается знакомое отчаяние.

Селеста собиралась изучать собственную переписку, словно готовилась к экзамену.

И я должна была помочь ей выучить правильные ответы.

— Госпожа, — сказала я тихо, — может быть, лучше просто поговорить с ним о том, что вам действительно нравится?

Она посмотрела на меня.

— Я и собираюсь.

— Тогда не нужно запоминать старые письма.

— Но я не хочу, чтобы он решил, будто я его обманывала.

Эти слова ударили больнее, чем я ожидала.

Я подняла глаза.

Селеста сидела передо мной, не понимая, насколько близко подошла к правде.

— Лина?

Я медленно вдохнула.

— Госпожа, мне кажется, вам нужно самой рассказать ему, как вы представляете ваш брак. Без подготовки и подсказок.

Она некоторое время смотрела на меня.

Потом отвела взгляд.

— Ты говоришь так, словно он должен разочароваться.

— Нет. Я хочу, чтобы он узнал вас.

Селеста задумалась.

И вдруг тихо спросила:

— А если та женщина, которую он узнал по письмам, нравится ему больше?

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Мне хотелось ответить.

Сказать, что это возможно.

Что он действительно мог полюбить не ее.

Что в каждом письме, которое заставляло его улыбаться, было слишком много меня.

Но я не смогла.

Селеста сама нарушила молчание.

— Глупости. Наверное, я просто нервничаю перед помолвкой.

Она поднялась.

— Иди отдыхай, Лина. Завтра разберемся.

Я тоже встала.

У двери она остановила меня.

— И все-таки принеси утром письма. Я хочу убедиться, что ничего важного не забыла.

Я повернулась.

— Хорошо, госпожа.

В коридоре было темно.

Я поднималась к своей комнате, держась за перила, и думала о том, что сказала Селеста.

«А если та женщина, которую он узнал по письмам, нравится ему больше?»

Она даже не подозревала, насколько правильный задала вопрос.

Я вошла к себе, закрыла дверь и некоторое время стояла неподвижно.

Потом подошла к столу.

Взяла прошение об увольнении.

Положила его поверх папки с документами, которые собиралась передать утром.

Больше откладывать нельзя.

Я не могла заставить себя разлюбить Дариана за одну ночь.

Но могла перестать помогать обману.

Это было самое малое, что я обязана сделать.

Я погасила лампу и легла.

Сон не шел.

В темноте я снова услышала его голос.

«Вы всегда так отвечаете? Будто любая просьба ничего вам не стоит».

Я вспомнила, как он смотрел на меня, когда задавал этот вопрос.

Не влюбленно.

Не особенно ласково.

Просто внимательно.

И мне вдруг стало страшно не потому, что он может никогда меня не полюбить.

А потому, что если он узнает правду, то, возможно, больше никогда не посмотрит на меня с таким доверием.

Я повернулась на бок и закрыла глаза.

Завтра Селеста снова попросит меня объяснить чужие письма.

Завтра Дариан снова попытается узнать свою невесту.

А я должна буду решить, сколько еще времени позволю ему любить женщину, которой на самом деле не существовало.

Глава 3. Я больше не буду писать

На пятый день после приезда Дариана я обнаружила, что Селеста съела половину кислого яблока.

Остаток лежал на блюдце возле ее утреннего кофе. На красивом лице хозяйки было такое выражение, словно она только что выпила лекарство.

— Не понравилось? — спросила я.

Селеста отодвинула блюдце.

— Ужасная кислятина. Не понимаю, как ты можешь это есть.

Я замерла.

— Вы же сказали господину Варду, что любите такие яблоки.

— Потому что он привез их специально для меня. Нельзя было сразу сказать, что подарок неудачный.

Она вытерла пальцы салфеткой.

— Надеюсь, он не станет присылать их каждую неделю.

Я посмотрела на надкушенный плод.

Вчера еще надеялась, что все обойдется. Что Селеста и Дариан сумеют узнать друг друга и полюбить без моей помощи. Что через несколько месяцев он забудет, кто именно любил кислые яблоки, и привыкнет покупать для жены что-нибудь другое.

Но теперь увидела, как нелепо это выглядело.

Он привез подарок, потому что хотел порадовать любимую женщину.

Она попробовала яблоко, потому что не хотела обидеть будущего мужа.

А я была невидимой причиной их маленького недоразумения.

— Лина, ты меня слышишь?

Я подняла голову.

— Да, госпожа.

— Я спросила, готов ли список приглашенных.

— Готов. Осталось получить подтверждение от семьи Вельтов.

— Хорошо. И еще...

Она протянула мне сложенный лист.

— Дариан прислал это утром. Прочитай.

Я не сразу взяла бумагу.

Селеста заметила мое промедление.

— Что такое?

— Ничего.

Я развернула лист.

Почерк Дариана был немного неровным, особенно в длинных словах. Старое повреждение руки все еще сказывалось, когда он торопился.

Я узнала каждую букву.

«Селеста,

вчера мы много говорили о доме, который собираемся разделить. Я понял, что почти все время рассказывал, как устроена моя жизнь, и слишком мало спрашивал о вашей.

Не хочу, чтобы вы чувствовали себя гостьей в Ровене.

Скажите, чего вы сами ждете от нашего брака?

Мне хотелось бы услышать не то, что принято отвечать будущему мужу, а то, что действительно важно для вас.

Дариан».

Я прочитала письмо дважды.

Потом сложила.

— Хороший вопрос, — сказала я.

Селеста вздохнула.

— Очень неудобный.

— Почему?

— Потому что на него нельзя ответить в двух словах.

— Не обязательно отвечать сразу.

— Я и не собираюсь. Поэтому позвала тебя.

Она придвинула чистый лист.

— Напишем ответ.

Я осталась стоять.

Вчера мы уже говорили об этом. Я объяснила, что больше не хочу составлять за нее личные признания. Селеста согласилась.

А теперь передо мной снова лежала бумага.

— Госпожа, Дариан просит рассказать о ваших желаниях.

— Я знаю.

— Значит, лучше будет, если вы ответите сами.

Селеста нахмурилась.

— Лина, я и собираюсь отвечать сама. Ты просто запишешь.

— Хорошо. Тогда я запишу ваши слова.

Она задумалась.

— Начни с того, что я благодарна ему за внимание.

Я села.

Написала первую фразу.

— Дальше?

— Что я с радостью стану хозяйкой его дома. Что хочу помогать ему во всем и надеюсь, что мы будем счастливы.

Я записала.

Селеста встала и прошлась по комнате.

— И еще что-нибудь о том, как важно для меня быть рядом с любимым человеком.

Перо остановилось.

Я подняла глаза.

— Вы любите его?

Селеста посмотрела на меня с удивлением.

— Что за вопрос?

— Простите. Я просто хочу понять, что именно нужно написать.

— Разумеется, он мне нравится.

— Но вы сказали о любимом человеке.

Она раздраженно вздохнула.

— Лина, я выхожу за него замуж. Разве не естественно написать будущему мужу, что мне хочется быть рядом?

— Естественно, если вы так чувствуете.

— Ты опять начинаешь?

Я положила перо.

— Госпожа, он прямо просит не писать то, что принято. Ему важно узнать, чего вы действительно хотите.

— Я действительно хочу выйти за него замуж!

Ее голос стал громче.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

Селеста некоторое время стояла возле окна, потом вернулась к столу.

— Послушай, Лина. Я не понимаю, почему последние дни ты делаешь из каждого письма такую сложность. Мы прекрасно справлялись раньше.

— Раньше я писала слишком много от себя.

— Ты уже говорила.

— Но вы не услышали.

Она замерла.

Я сама удивилась своей резкости.

Обычно я никогда так с ней не разговаривала.

Селеста медленно выпрямилась.

— Повтори.

Я сжала пальцы под столом.

— Простите. Я не хотела...

— Нет. Ты сказала, что я тебя не услышала. Что именно я должна была услышать?

Я посмотрела на незаконченное письмо: аккуратно выведенные слова благодарности и чистое пространство под ними, которое Селеста предлагала заполнить красивыми чувствами.

Мне вдруг стало ясно, что я больше не могу отступить.

— Я не буду писать за вас признания в любви, — сказала я.

Она смотрела на меня.

— Что?

— Не буду придумывать нежные слова, которые вы сами не можете произнести. Не буду рассказывать ему о ваших чувствах, если вы не знаете, какие они.

Селеста отодвинула стул.

— Ты забываешься.

— Возможно.

— Ты работаешь в моем доме. Я плачу тебе за помощь.

— Да. И я готова выполнять свою работу. Переписывать документы, вести счета, составлять приглашения. Но не это.

Она побледнела.

Несколько секунд мы молчали.

Я слышала, как за стеной горничная передвигала мебель, а во дворе скрипело колесо телеги.

Потом Селеста неожиданно спросила:

— Ты считаешь, что я недостойна его?

У меня сжалось сердце.

— Нет.

— Тогда почему разговариваешь со мной так, словно я собираюсь его обмануть?

Я опустила глаза.

Потому что мы уже обманывали его.

Вместе.

Только каждая по своей причине.

— Госпожа...

— Я читала все письма, Лина. Каждое. Если мне что-то не нравилось, я просила исправить. Ты никогда не отправляла ничего без моего согласия.

— Это правда.

— Так почему теперь ведешь себя так, будто я украла у тебя какие-то слова?

Она произнесла последнее почти насмешливо.

Но я услышала в ее голосе тревогу.

Мне показалось, что Селеста подошла к ответу гораздо ближе, чем ей самой хотелось.

Я медленно встала.

— Потому что некоторые из этих слов были для меня настоящими.

Она нахмурилась.

— Что это значит?

Я посмотрела ей в лицо.

— Когда господин Вард писал о своей матери, я отвечала ему не потому, что знала красивые выражения. Я вспоминала маму. То, как она болела. Как мне было страшно. Что я сказала ей перед смертью.

Селеста не двигалась.

— Когда он спрашивал о детстве, я рассказывала о своем. Когда писал, что чувствует себя одиноким среди людей, я отвечала так, как сама чувствовала.

— Я знаю, что ты использовала свои воспоминания.

— Но вы не знаете, что я чувствовала, когда он отвечал.

Селеста медленно села.

Ее взгляд стал внимательным.

— И что же ты чувствовала?

Я хотела солгать.

Сказать, что мне было приятно помогать.

Что я гордилась красивыми письмами.

Что слишком увлеклась работой.

Любое из этих объяснений было бы легче произнести.

Но я вспомнила Руту.

«Ты хотела, чтобы он написал снова».

Я действительно хотела.

Каждый раз.

— Я ждала его писем, — призналась я. — Не как секретарь. Для себя.

Селеста долго молчала.

Потом тихо спросила:

— Ты влюбилась в Дариана?

Я не отвела глаза.

— Да.

Она смотрела на меня так, словно я заговорила на незнакомом языке.

— В моего жениха?

— Да.

— Когда?

Я опустилась на стул.

— Не знаю точно. Сначала мне просто нравилось с ним разговаривать. Потом я стала ждать каждого письма. А когда поняла, что происходит, уже не смогла остановиться.

Селеста резко поднялась.

— Не смогла?

Я вздрогнула.

— Госпожа...

— Ты хочешь сказать, что семь месяцев писала моему будущему мужу любовные письма, потому что сама в него влюбилась?

— Не все семь месяцев. И не все письма были любовными.

Она коротко рассмеялась.

— Какое облегчение.

Я почувствовала, как горят щеки.

— Я не пытаюсь оправдаться.

— Тогда что ты делаешь?

— Говорю правду.

Селеста отвернулась.

Несколько раз прошлась по комнате.

Потом остановилась у стола и взяла письмо Дариана.

— Значит, вот почему ты последние дни ходишь за нами с таким лицом.

Я молчала.

— Почему краснеешь, когда он к тебе обращается. Почему так смотришь, когда он говорит со мной.

— Я старалась этого не показывать.

— Плохо старалась!

Я опустила голову.

Селеста смяла край письма, заметила это и сразу расправила бумагу.

— Ты ведь понимаешь, что он приехал ко мне?

— Понимаю.

— Что мы собираемся пожениться?

— Да.

— Тогда чего ты хочешь?

Я подняла глаза.

В ее вопросе было столько растерянности, что мне стало еще больнее.

— Ничего от него.

— Не верю.

— Я не собираюсь добиваться его внимания. Не собираюсь разрушать вашу помолвку ради себя.

— Но уже сделала так, что он полюбил тебя, сам того не зная!

Я вздрогнула.

Селеста тоже замолчала.

Мы обе услышали, что она сказала.

Он полюбил меня.

Нет.

Он полюбил женщину из писем.

Я не имела права считать это одним и тем же.

— Я не знаю, кого он полюбил, — ответила я. — Он думает, что все это писали вы.

Селеста опустилась в кресло.

Она выглядела испуганной.

Впервые за все время нашего знакомства я увидела, что она действительно не знает, как поступить.

Мне хотелось успокоить ее.

Сказать, что все еще можно исправить, что Дариан поймет, что она ничего плохого не желала.

Но это было бы очередной попыткой подобрать нужные слова вместо правды.

— Вы имеете право сердиться на меня, — сказала я. — Я сама виновата в том, что продолжала писать.

Селеста закрыла глаза.

— Ты могла отказаться раньше.

— Да.

— Могла сказать мне.

— Да.

— Могла хотя бы перестать рассказывать ему о себе.

У меня защипало глаза.

— Могла.

Она посмотрела на меня.

— Тогда почему не перестала?

Я не сразу ответила.

После тяжелого дня я открывала письмо и чувствовала, что кто-то действительно хочет меня услышать. Он спрашивал не только о делах и погоде, а в его ответах я находила ту нежность, которой так не хватало после смерти мамы. Мне нравилось чувствовать, что я нужна ему как женщина, а не только как секретарь.

— Мне было хорошо, когда он писал, — сказала я наконец. — И я думала только о том, что хочу получить еще одно письмо.

Селеста отвернулась.

— Какая же ты эгоистка, Лина.

Я кивнула.

— Да.

Она ожидала возражений.

Это было видно по тому, как резко повернула голову.

Но я не собиралась спорить.

Мне нечего было противопоставить ее обвинению.

Я действительно поступила эгоистично.

Не потому, что влюбилась. Чувства нельзя было приказать себе прекратить.

А потому, что продолжала их скрывать и позволяла мужчине принимать мои признания за чужие.

Селеста долго смотрела на меня.

Потом взяла чистый лист и убрала его в ящик.

— Уходи.

Я поднялась.

— Госпожа, я...

— Не сейчас.

Она говорила тихо.

От этого становилось только хуже.

— Я должна подумать.

Я подошла к двери.

Селеста остановила меня.

— Лина.

Я повернулась.

— Да?

— Ты хотя бы понимаешь, что будет, если он узнает?

Я почувствовала, как похолодели руки.

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь.

Она медленно покачала головой.

— Ты потеряешь работу. Я потеряю жениха. Отец станет посмешищем перед всеми торговыми домами. А Дариан...

Она запнулась.

— Он решит, что над ним семь месяцев смеялись.

Я закрыла глаза.

Это было самое страшное.

Не увольнение.

Не потеря хорошего места.

Даже не то, что он может возненавидеть меня.

Я боялась представить, как он перечитает свои письма и поймет, что доверял человеку, имени которого не знал.

— Поэтому ему нужно сказать правду, — прошептала я.

Селеста резко подняла голову.

— Ты собираешься все рассказать?

— Да.

— Сейчас?

— Я должна это сделать.

Она встала.

— Нет.

Я посмотрела на нее.

— Госпожа...

— Не сегодня. И не завтра за завтраком, когда отец сидит рядом.

Я молчала.

Селеста подошла ближе.

— Мне нужно понять, как говорить с ним. Это касается и меня, Лина. Ты не можешь одна решить, как разрушить мою помолвку.

— Я не хочу ее разрушать.

— Но именно это и произойдет!

Она отвернулась, пытаясь успокоиться.

Потом сказала:

— Дай мне несколько дней.

— Сколько?

— До конца недели.

Я покачала головой.

— Госпожа, официальное объявление назначено на десятый день. Мы не можем ждать до него.

Селеста медленно выдохнула.

— Хорошо. До восьмого дня. Я поговорю с ним сама, если найду слова.

Я посмотрела на нее.

— А если не найдете?

Она стиснула губы.

— Тогда говори ты.

Я кивнула.

— Хорошо.

Селеста отошла к окну.

— И еще, Лина.

Я остановилась.

— Больше ни одного личного письма от моего имени.

— Не будет.

Она тихо усмехнулась.

— Забавно. Еще вчера я считала, что у меня просто очень способный секретарь.

Я не знала, что ответить.

Селеста не посмотрела на меня.

— Теперь уходи.

Я вышла.

В коридоре пришлось остановиться и прислониться к стене.

Меня трясло.

Я сказала правду.

Не всю.

Пока не тому человеку.

Но впервые вслух произнесла, что люблю Дариана Варда.

И ничего хорошего после этого не произошло.

До обеда оставалось почти два часа.

Я вернулась к себе, закрыла дверь и села на кровать.

На столе лежало прошение об увольнении.

Я смотрела на него и не могла решить, что чувствую: облегчение, страх или стыд. Наверное, все сразу.

Селеста имела полное право меня выгнать.

Но не сделала этого.

Вместо этого попросила несколько дней.

Я не знала, что она собиралась сказать Дариану.

И не знала, захочет ли он после этого вообще разговаривать со мной.

Я поднялась и подошла к зеркалу.

Отражение выглядело жалко.

Темные волосы выбились из прически. Глаза покраснели, губы побледнели.

Я умылась холодной водой и несколько минут сидела у окна, ожидая, пока пройдет дрожь.

Потом заставила себя вернуться к работе.

Нужно было подготовить передачу дел.

Я не могла просто исчезнуть из дома, оставив после себя неразобранные бумаги и десятки незаконченных поручений.

За последние два года у меня накопилось немало обязанностей. Я знала, где хранились старые договоры, какие поставщики постоянно задерживали счета, кто из родственников Селесты обижался, если приглашение приходило слишком поздно.

Все это следовало записать.

Я достала большую тетрадь и начала составлять список.

Сначала было трудно.

Потом привычная работа помогла успокоиться.

Я перечисляла документы, указывала сроки, отмечала, какие письма требуют ответа.

К вечеру исписала почти половину тетради.

Только личную переписку Селесты и Дариана обошла стороной.

Она уже лежала в архиве.

Я больше не собиралась к ней прикасаться.

Ближе к ужину пришла горничная.

— Лина, господин Дорн просит зайти к нему завтра утром.

Я подняла голову.

— По какому делу?

— Не сказал.

Она немного помялась.

— Селеста сегодня не спускалась к обеду. Ты не знаешь, что случилось?

У меня сжалось сердце.

— Плохо себя чувствует.

— Она ведь не заболела?

— Думаю, просто устала.

Горничная кивнула.

— Тогда передам кухарке, чтобы оставила ей легкий ужин.

Когда дверь закрылась, я долго сидела неподвижно.

Селеста не захотела меня видеть.

Это было естественно.

Я не ждала, что она простит меня за один разговор.

Но все равно почувствовала себя ужасно.

Вечером я спустилась на кухню за чаем.

Томас сидел у стола и чистил яблоко маленьким ножом.

При виде меня он поднял голову.

— А вот и наша госпожа писец.

Я попыталась улыбнуться.

— Что опять?

— Ничего. Просто сегодня ты ни разу не спустилась поесть. Я уже решил, что тебя завалило бумагами.

— Почти угадал.

Он отрезал кусочек яблока.

— Будешь?

Я посмотрела на плод.

Красный.

Сладкий.

Совсем не такой, какие привез Дариан.

— Нет, спасибо.

Томас пожал плечами.

— Как знаешь.

Я наливала чай, когда он вдруг сказал:

— Господин Вард спрашивал, где ты.

Я едва не уронила чашку.

— Зачем?

— Не знаю. Хотел уточнить что-то по документам.

Я постаралась говорить спокойно.

— И что ты ответил?

— Что работаешь наверху.

— Он ничего больше не сказал?

— Нет.

Томас посмотрел на меня с любопытством.

— Ты чего так испугалась?

— Не испугалась.

— Ну конечно.

Он откусил яблоко.

— Просто лицо у тебя стало как у человека, который забыл закрыть кладовую перед приходом хозяйки.

Я заставила себя усмехнуться.

— Томас, занимайся яблоком.

— Уже занимаюсь.

Я забрала чай и поднялась к себе.

Всю дорогу думала о том, зачем Дариан меня искал.

Конечно, из-за документов.

Он сказал именно это.

А я снова ухитрилась превратить обычный вопрос в нечто личное.

Как же мне надоела собственная глупость.

На шестое утро я отнесла прошение господину Дорну.

Он сидел за большим письменным столом, просматривая счета. Возле окна стоял его управляющий, господин Крейн, сухощавый мужчина с аккуратно подстриженной бородой.

Они обсуждали закупку шерсти.

Когда я вошла, господин Дорн поднял голову.

— Лина. Садитесь.

Я остановилась возле стола.

— Благодарю, господин. Я ненадолго.

Он посмотрел на сложенный лист в моей руке.

— Что у вас?

Я положила прошение перед ним.

Господин Дорн развернул бумагу.

Прочитал.

Потом поднял глаза.

— Это шутка?

— Нет, господин.

— Вы увольняетесь?

— Да.

Крейн неловко кашлянул.

Господин Дорн посмотрел на него.

— Оставьте нас, пожалуйста.

Управляющий поклонился и вышел.

Я осталась стоять.

Господин Дорн перечитал прошение.

— Почему?

Я приготовилась к этому вопросу.

— Хочу заняться самостоятельной работой. У меня есть возможность вернуться к переплетному делу и принимать частные заказы.

— У вас очень хорошее место, Лина.

— Я знаю.

— Жалованье выше, чем получают многие городские писцы. Комната, питание, достойные условия.

— Я благодарна вам за все.

Он отложил лист.

— Тогда не понимаю.

Я опустила глаза.

Мне не хотелось рассказывать ему о чувствах.

Это была не его тайна.

И не его право решать, что с ней делать.

— Я долго думала и приняла решение, — ответила я.

Господин Дорн задумчиво постучал пальцем по столу.

— Селеста знает?

— Да.

— И что она сказала?

— Мы обсудили мой уход.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Когда?

— Вчера.

— Понятно.

Мне не понравилось, как он произнес это слово.

Господин Дорн поднялся и подошел к окну.

— Должен признать, время вы выбрали исключительно неудобное.

Я молчала.

— Через четыре дня мы собирались объявить помолвку. Если все пройдет хорошо, понадобится еще больше переписки и документов. Селеста привыкла к вашей помощи.

— Я подготовлю полную передачу дел.

— За несколько дней?

— Основные документы уже описаны. Господин Крейн знает, где находятся торговые папки. Для личной корреспонденции можно нанять отдельного секретаря.

Он повернулся.

— Вы предлагаете мне искать замену за неделю?

— Я готова помочь с поиском и обучением.

Господин Дорн покачал головой.

— Не торопитесь.

Он вернулся к столу.

— Возможно, вас просто утомила подготовка. Я могу предложить дополнительную плату за следующие два месяца.

Я подняла глаза.

Сумма, которую он назвал, была значительной.

На эти деньги я могла бы не только снять комнату у Руты, но и купить хорошую бумагу, инструменты, небольшой письменный стол.

Все, о чем давно мечтала.

— Благодарю, господин. Но дело не в жалованье.

Он нахмурился.

— Тогда в чем?

Я почувствовала, как напряглась спина.

— Мне необходимо уйти.

Господин Дорн некоторое время молчал.

Потом сложил руки на столе.

— Лина, вы умная девушка. И прекрасно понимаете, как важна хорошая рекомендация для дальнейшей службы.

Я посмотрела на него.

Он говорил спокойно, не угрожая открыто, но смысл был совершенно ясен.

— Да, господин.

— Я всегда хорошо отзывался о вашей работе.

— Благодарю.

— И хотел бы продолжать.

Я медленно вдохнула.

— Я рассчитываю, что моя работа за два года позволит вам дать честную рекомендацию.

Он прищурился.

— Разумеется.

Я выдержала его взгляд.

— Тогда я буду благодарна за письмо с оценкой моих обязанностей и результатов. Если вы считаете, что не можете рекомендовать меня, я пойму.

Господин Дорн неожиданно усмехнулся.

— Вот как.

Я молчала.

— Обычно вы гораздо мягче, Лина.

— Я стараюсь говорить вежливо.

— Вежливо — да. Но весьма твердо.

Он взял мое прошение.

— Хорошо. Я не стану удерживать вас силой. Однако договор требует завершить текущие обязанности. До десятого дня вам придется оставаться на службе, если Селеста не отпустит раньше.

Я кивнула.

— Я готова.

— И прошу вас не создавать дополнительных трудностей. Сейчас не время для домашних драм.

У меня вспыхнули щеки.

Он ничего не знал.

По крайней мере, я надеялась.

— Я выполню все обязательства, — сказала я.

Господин Дорн отложил бумагу.

— Что касается жалованья, получите все заработанное. Бухгалтерия подготовит расчет к вашему последнему дню.

— Благодарю.

— Можете идти.

Я поклонилась и направилась к двери.

— Лина.

Я остановилась.

— Да?

— Подумайте еще. Вы молоды. Не каждую хорошую возможность стоит оставлять из-за минутного чувства.

Я посмотрела на него.

— Я думаю об этом не первый день, господин.

Он ничего не ответил.

Я вышла.

В коридоре прислонилась к стене и закрыла глаза.

Разговор оказался тяжелее, чем я ожидала.

Не потому, что господин Дорн кричал.

Он ни разу не повысил голос.

Но мне отчетливо дали понять, сколько удобства я теряю вместе с работой.

Хорошее жалованье.

Комнату.

Питание.

Рекомендацию влиятельной семьи.

И все это ради неопределенного будущего в маленькой лавке.

Я испугалась.

Впервые по-настоящему.

Но потом вспомнила, как сидела за столом Селесты и писала Дариану слова, которые сама боялась произнести вслух.

Нет.

Оставаться было нельзя.

После обеда мне разрешили выйти в город.

Я сразу направилась к Руте.

Она встретила меня возле дверей лавки с большим рулоном кожи в руках.

— Лина? Ты решила поселиться у меня на лестнице?

— Пока только посмотреть комнату.

Рута внимательно взглянула на мое лицо.

— Значит, случилось что-то серьезное.

— Я подала прошение.

Она кивнула.

— Хорошо.

— Господин Дорн не обрадовался.

— А должен был?

Я невольно улыбнулась.

— Наверное, нет.

Рута отложила кожу.

— Пойдем.

Мы поднялись по узкой деревянной лестнице.

Комната находилась под крышей.

Небольшая, с низким потолком у одной стены. Кровать, шкаф, стол возле окна, простой умывальник. На полу лежал старый коврик.

Я остановилась на пороге.

— Здесь довольно светло.

— После обеда солнце попадает прямо на стол, — сказала Рута. — Если собираешься писать, придется повесить занавеску.

Я подошла к окну.

Внизу был маленький двор с колодцем, дровяным навесом и несколькими кустами, которые Рута каждую весну обещала выкорчевать.

На подоконнике стоял глиняный горшок.

В нем росла мята.

— Это Берт оставил? — спросила я.

— Да. Забрать не смог. Говорит, у дочери и без того целый сад.

Я осторожно коснулась листка.

Мята пахла свежо и немного горько.

— Можно оставить?

— Если будешь поливать.

Я улыбнулась.

Рута прислонилась к дверному косяку.

— Ну как?

Я посмотрела на стол.

Он был маленьким, с несколькими царапинами. На нем едва хватило бы места для бумаги, чернильницы и книги.

Но это был бы мой стол.

Не хозяйский.

Не тот, за которым я должна писать чужие письма.

Мой.

— Мне нравится, — сказала я.

Рута кивнула.

— Тогда договоримся о плате.

Мы обсудили стоимость комнаты, питание и работу.

Она сразу предупредила, что заказы поступали неравномерно. Иногда можно было трудиться от утра до ночи, иногда несколько дней почти ничего не делать.

Мне пришлось достать тетрадь и пересчитать сбережения.

Если не тратить лишнего, я могла прожить без работы почти три месяца.

С оплатой от Руты — значительно дольше.

— Ты сможешь принимать собственные заказы, — сказала она. — Но инструменты и бумагу покупай на свои деньги. И не обещай клиентам сроки, если не уверена.

— Я помню.

— Нет, Лина. Ты очень любишь обещать, что справишься со всем.

Я опустила глаза.

Рута усмехнулась.

— Вот именно.

Она подошла к окну.

— Еще мне нужен человек, который разберет старые семейные книги господина Ферна. Там такой беспорядок, что я уже третий день ругаюсь вслух.

— Я могу посмотреть завтра.

— Если тебя отпустят.

— До десятого дня я еще работаю у Дорнов.

Рута кивнула.

— Значит, не торопись. Сначала закончи там.

Мы спустились в лавку.

На столе лежала та самая книга о северных дорогах, которую я видела у господина Ферна.

Я остановилась.

— Откуда она?

Рута проследила за моим взглядом.

— Ферн принес утром. Просит восстановить корешок.

Я осторожно подняла книгу.

Темно-синяя обложка, надорванные страницы, старые заметки на полях.

— Я смотрела ее недавно.

— Знаю. Он сказал, что ты интересовалась.

Я почувствовала, как в груди стало тепло.

— Я могу ее переплести?

Рута посмотрела на меня.

— Если не испортишь.

Я улыбнулась.

— Постараюсь.

— Тогда оставлю тебе. Только сначала закончим с комнатой и работой.

Она достала небольшую тетрадь с расчетами.

Мы записали условия: сумму, сроки, обязанности. Никаких красивых обещаний и неопределенных слов.

И мне стало удивительно спокойно.

Когда я собиралась уходить, Рута спросила:

— Ты поговорила с ним?

Я сразу поняла, о ком речь.

— Пока нет.

Она нахмурилась.

— Почему?

Я рассказала о разговоре с Селестой.

О том, что призналась ей в своих чувствах.

О просьбе подождать до восьмого дня.

Рута слушала внимательно.

Потом покачала головой.

— Значит, хозяйка теперь знает.

— Да.

— И как отреагировала?

— Сказала, что я эгоистка.

Рута вздохнула.

— Не самый удивительный ответ.

Я опустила глаза.

— Я знаю.

Она взяла меня за плечо.

— Лина, мне не хочется, чтобы ты мучилась. Но ты должна понимать: теперь нельзя просто уйти и надеяться, что все само забудется.

— Я не собираюсь.

— Хорошо.

Она помолчала.

— Только не позволяй им бесконечно откладывать разговор. Чем ближе объявление помолвки, тем больнее будет правда.

Я кивнула.

— Я обещала до восьмого дня.

— Значит, на восьмой и говори.

Я посмотрела на нее.

— А если Дариан меня возненавидит?

Рута не стала улыбаться.

— Может быть.

У меня сжалось сердце.

— Спасибо за утешение.

— Я не умею обещать людям то, чего не знаю.

Она взяла мою ладонь.

— Но ты переживешь даже это. Понимаешь?

Я кивнула.

Хотя совершенно не была уверена.

В доме Дорнов меня встретила необычная тишина.

Слуги говорили вполголоса. В гостиной никто не сидел, хотя обычно к этому часу Селеста приглашала кого-нибудь из знакомых на чай.

Я поднялась к своему столу.

На нем лежала записка от господина Крейна.

Он просил до утра подготовить копии нескольких договоров.

Я села и принялась за работу.

Через некоторое время услышала шаги.

В дверях появился Дариан.

Я невольно выпрямилась.

— Господин Вард.

— Госпожа Весс. Простите, что отвлекаю.

— Ничего.

Он остановился у порога.

— Мне сказали, что вы сегодня были в городе.

— Да. По личному делу.
— Надеюсь, все благополучно.
— Благодарю. Да.
Он кивнул.
Мне показалось, что он собирается уйти.
Но Дариан вдруг спросил:
— Вы не знаете, где сейчас Селеста?
Я почувствовала укол.
Конечно.
Он искал не меня.
— Думаю, у себя. После обеда она просила ее не беспокоить.
Дариан нахмурился.
— Она плохо себя чувствует?
— Не знаю, господин.
Он несколько секунд смотрел на меня.
— Сегодня за завтраком она почти не разговаривала.
Я опустила глаза.
Селеста действительно избегала его.
И причиной была я.
— Возможно, устала от подготовки.
Дариан медленно кивнул.
— Возможно.
Он уже повернулся к двери, когда заметил тетрадь на моем столе.
— Это что?
Я посмотрела на раскрытые страницы.
— Описание текущих дел. Чтобы следующий секретарь мог быстро разобраться.
Он остановился.
— Следующий?
Я почувствовала, как пересохло во рту.
— Я собираюсь уйти со службы.
Дариан повернулся ко мне.
— Уйти?
— Да.
— Когда?
— После передачи дел.
Он посмотрел на тетрадь.
— Это неожиданно.
Я попыталась улыбнуться.
— Для меня не совсем. Я давно хотела заняться другой работой.
— Какой?
— Переплетным делом. И принимать частные заказы на составление документов.
Он кивнул.
— Помню, вы говорили о книгах.
Я не ожидала, что он запомнит.
— Да.
— У вас уже есть место?
— В небольшой мастерской.
Дариан улыбнулся.
— Тогда поздравляю.

Я растерялась.

— С чем?

— С решением. Если вы давно хотели попробовать, должно быть, приятно наконец сделать первый шаг.

Я смотрела на него.

Другие люди спрашивали, зачем мне уходить с хорошего места, предлагали подумать, предупреждали о трудностях. Дариан просто поздравил.

— Благодарю, — сказала я тихо.

Он заметил мое удивление.

— Я сказал что-то странное?

— Нет. Просто не все считают мой выбор разумным.

Он пожал плечами.

— Разумным он должен быть прежде всего для вас.

Я невольно улыбнулась.

Дариан ответил тем же.

Потом посмотрел на лежащие передо мной бумаги.

— Не стану мешать.

Он направился к двери.

— Господин Вард, — неожиданно для себя позвала я.

Он остановился.

— Да?

Я хотела спросить, как он себя чувствует.

После смерти матери.

После приезда в чужой дом.

После того, как женщина из писем оказалась не такой, какой он ее представлял.

Но не имела права.

— Ваш управляющий получит исправленные расчеты завтра утром, — сказала я.

Дариан кивнул.

— Хорошо. Благодарю.

Он вышел.

Я осталась сидеть с пером в руке.

Мне было больно и одновременно тепло. Он не пытался отговорить меня от ухода, не требовал объяснений — просто принял, что у меня может быть собственная жизнь.

Я вдруг вспомнила слова, которые написала ему в одном из писем:

«Мне хочется, чтобы рядом был человек, которому не придется объяснять, почему я иногда хочу сделать что-то только для себя».

Тогда он ответил:

«Не думаю, что это нужно объяснять. Любимый человек не становится твоей собственностью».

Я долго смотрела на пустой дверной проем.

Он действительно был таким.

Не только на бумаге.

От этого становилось еще труднее.

На седьмой день господин Дорн решил показать Дариану городские склады.

Селеста поехала вместе с ними.

Я должна была подготовить документы и сопровождать гостей, если возникнут вопросы по последним поставкам.

Утром мне хотелось отказаться.

Но работа оставалась работой.

Я надела темно-коричневое платье, убрала волосы и спустилась во двор.

Дариан уже разговаривал с кучером.

Возле второй повозки возился молодой конюх, пытаясь закрепить ремень упряжи.

Ремень оказался перекручен.

Парень тянул его все сильнее, но пряжка не вставала на место.

Дариан подошел.

— Покажи.

Конюх испуганно выпрямился.

— Простите, господин. Сейчас исправлю.

— Я вижу, что исправляешь. Только ремень перекрутился у кольца.

Он взял упряжь, расправил кожу и показал, как провести ее правильно.

Парень кивнул.

— Благодарю.

— Проверь вторую сторону. Если натрешь лошади плечо, придется останавливаться посреди дороги.

Он говорил без раздражения.

Не стремился продемонстрировать, насколько лучше разбирается в лошадях.

Просто заметил проблему и помог ее решить.

Я стояла у крыльца, наблюдая за ними.

Дариан повернулся ко мне.

— Доброе утро, госпожа Весс.

— Доброе утро.

Он подошел ближе.

— Сегодня опять с документами?

Я показала папку.

— Они меня преследуют.

Он усмехнулся.

— Надеюсь, хотя бы не во сне.

— Иногда и там.

Дариан рассмеялся.

Я почувствовала, как улыбаюсь в ответ.

В этот момент из дома вышла Селеста.

Она была в темно-синем платье и легком дорожном плаще.

Увидев нас, остановилась на ступеньках.

Ее взгляд скользнул от Дариана ко мне.

Я сразу отвернулась.

Дариан подошел к ней и подал руку.

— Доброе утро.

Селеста улыбнулась.

— Доброе.

Она позволила помочь себе спуститься.

Но я заметила, что ее улыбка исчезла, как только он отвернулся.

Всю дорогу мы говорили о делах.

Господин Дорн рассказывал о новых складах, Селеста уточняла цифры, Дариан задавал вопросы.

Я сидела напротив них и записывала замечания.

Постепенно мне удалось сосредоточиться.

В одном из складов обнаружилась проблема с влажностью.

Часть мешков лежала слишком близко к стене, и зерно начало портиться.
Господин Дорн рассердился.
Управляющий оправдывался недостатком рабочих.
Дариан осмотрел помещение и предложил переставить мешки на деревянные поддоны.
Селеста сразу поддержала.
Они начали обсуждать расходы.
Я стояла возле дверей, записывая решения.
В какой-то момент управляющий сказал:
— Если заменить пол, придется закрыть склад почти на месяц.
— Не весь, — возразила Селеста. — Можно освободить только поврежденную часть.
— Тогда понадобится дополнительная охрана.
Дариан задумался.
— А если временно перенести часть груза в соседнее здание?
Я подняла голову.
— Оно уже занято шерстью, господин.
Он посмотрел на меня.
— Вся площадь?
— Почти. Но там есть свободный навес, который используют только летом.
— Его можно приспособить?
Я задумалась.
— Если починить крышу и поднять настил над землей, возможно.
Дариан кивнул.
— Тогда стоит проверить.
Господин Дорн велел управляющему организовать осмотр.
Мы вышли во двор.
Селеста подошла ко мне, пока мужчины разговаривали.
— Ты сегодня очень оживленная, — сказала она тихо.
Я подняла глаза.
— Простите?
— С Дарианом.
Я почувствовала, как кровь прилила к лицу.
— Мы говорили о документах.
— Я видела.
Она смотрела на меня так, словно пыталась прочитать мысли.
Мне захотелось исчезнуть.
— Госпожа, я ничего не делаю, чтобы привлечь его внимание.
— Не нужно оправдываться.
Но ее голос говорил обратное.
Я опустила глаза.
Селеста вздохнула.
— Прости. Я сама не знаю, почему злюсь.
Я посмотрела на нее.
Она выглядела усталой.
Под глазами появились тени, которых раньше не было.
— Вы имеете право сердиться на меня, — сказала я.
— Я знаю.
Она помолчала.
— Но самое неприятное, что я даже не уверена, на что именно сержусь.
Я не ответила.

Селеста посмотрела в сторону Дариана.

Он стоял возле управляющего и что-то объяснял, показывая рукой на крышу соседнего здания.

— Он хороший мужчина, — сказала она.

— Да.

— И, наверное, стал бы хорошим мужем.

У меня сжалось сердце.

— Думаю, да.

Селеста медленно выдохнула.

— Только я не знаю, смогу ли быть ему той женой, которую он хочет.

Я посмотрела на нее.

Впервые она произнесла это без злости.

Просто как неприятную мысль, которую больше не получалось отогнать.

— Вы можете быть собой, — сказала я.

Селеста слабо улыбнулась.

— Забавно слышать это от тебя.

Я опустила глаза.

Она не стала продолжать.

Через несколько минут к нам подошли мужчины, и разговор закончился.

Вечером того же дня Селеста пригласила Дариана поговорить наедине.

Я узнала об этом случайно.

Горничная попросила принести свежий чай в малую гостиную, потому что все остальные были заняты подготовкой к приему.

Я согласилась.

Когда подошла к двери, услышала голоса.

Останавливаться и слушать было неправильно.

Но я несла поднос, и дверь оказалась приоткрытой.

— Я действительно хочу продолжать заниматься делами семьи, — говорила Селеста.

— Я никогда не возражал, — ответил Дариан.

— И не уверена, что смогу проводить много времени дома.

— Я не прошу вас сидеть взаперти.

Селеста помолчала.

— Тогда почему вы все время говорите о маленькой библиотеке, тихих вечерах и прогулках?

Я остановилась.

Дариан ответил не сразу.

— Потому что мне казалось, вам это нравится.

— Я не против. Просто это не самое важное для меня.

Наступила тишина.

Я уже собиралась постучать, когда услышала его голос:

— А что самое важное?

Селеста вздохнула.

— Хороший союз. Уважение. Возможность быть полезной. Общие цели.

— Это важно и мне.

— Но?

Я почувствовала, как сердце тяжело ударило в груди.

— Но я надеялся, что между нами будет нечто большее, — сказал Дариан.

Селеста молчала.

— Мы много говорили об этом в письмах, — продолжил он.

Я закрыла глаза.

Поднос дрогнул в руках.

Чашки тихо звякнули.

Я испугалась, что они услышат.

Но разговор продолжался.

— Письма — это одно, Дариан, — сказала Селеста. — Жизнь сложнее.

Он ответил не сразу.

— Я знаю.

В его голосе не было злости.

Только усталость.

Мне захотелось бросить поднос и убежать.

Вместо этого я постучала.

— Войдите, — сказала Селеста.

Я внесла чай.

Они сидели друг напротив друга.

Селеста выглядела напряженной.

Дариан поднялся, чтобы освободить мне место возле стола.

— Благодарю, госпожа Весс.

Я поставила поднос.

— Пожалуйста.

Мне хотелось не смотреть на него.

Но я все же подняла глаза.

Он улыбнулся.

Усталой, вежливой улыбкой.

И я поняла, что ему больно.

Он приехал за женщиной, которую уже успел полюбить.

А теперь сидел перед ней и пытался понять, почему она говорит так, словно все их прежние разговоры были лишь красивой подготовкой к браку.

Я вышла.

В коридоре остановилась возле окна.

На стекле отражалось мое лицо.

Я ненавидела себя.

Не за то, что люблю его.

За то, что позволила ему поверить в любовь, которой Селеста не испытывала.

Поздно вечером Селеста сама пришла ко мне.

Я как раз складывала вещи: книги, несколько платьев и маленькую шкатулку с маминими украшениями.

Селеста остановилась на пороге.

— Ты действительно собираешься уходить.

Я выпрямилась.

— Да.

Она посмотрела на открытый чемодан.

— Отец сказал, что ты подала прошение.

— Да.

— Он недоволен.

— Я знаю.

Селеста вошла и закрыла дверь.

Некоторое время рассматривала комнату.
— Я привыкла, что ты всегда рядом, — сказала она.
Я не ответила.
— Когда нужно что-то найти, написать, исправить... Я просто зову тебя.
Она слабо улыбнулась.
— Наверное, я слишком привыкла.
Я опустила глаза.
— Вы найдете хорошего секретаря.
— Возможно.
Селеста подошла к окну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.